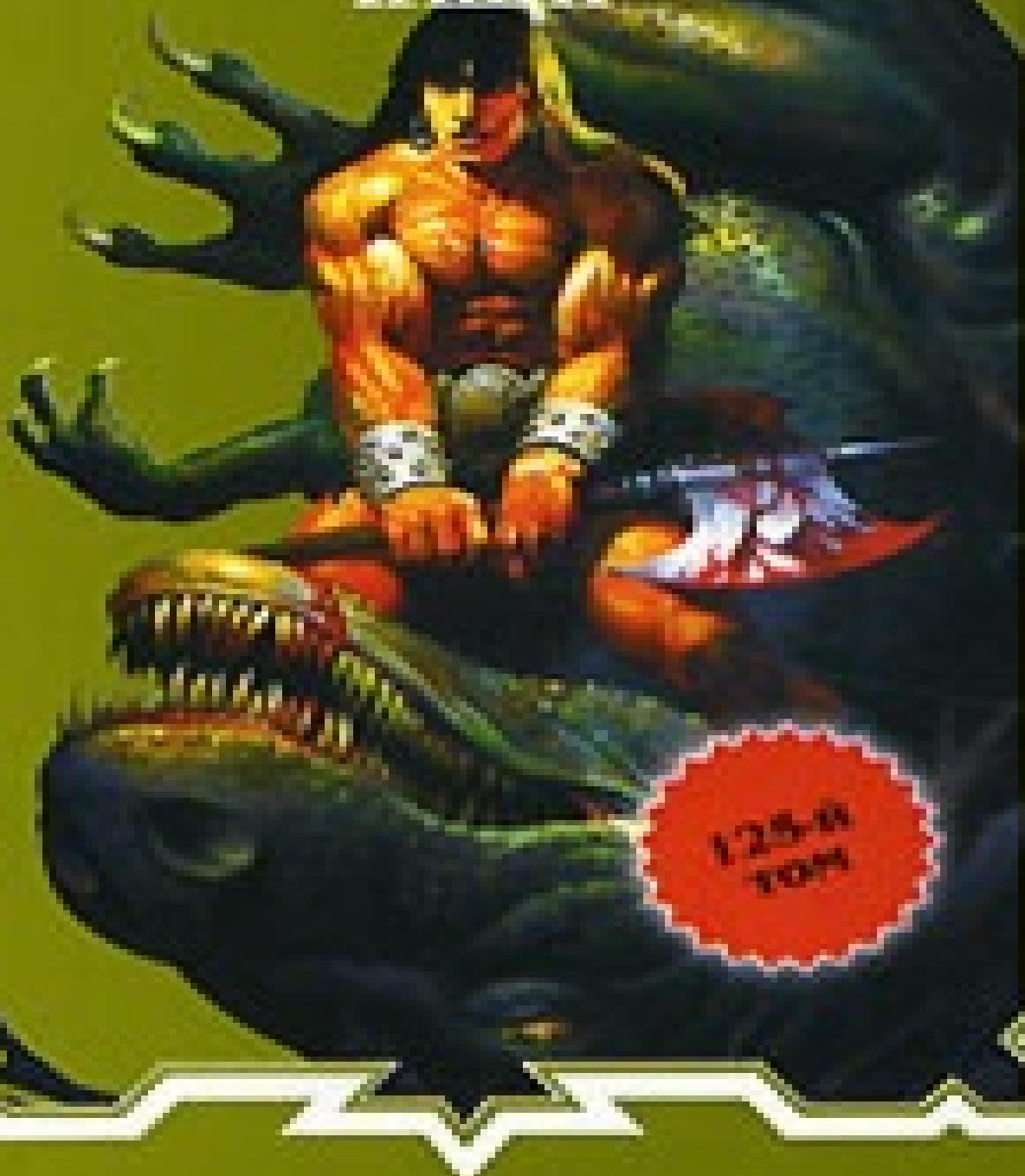

БАГАЧА
ЧАЙ

КОНАН
И МОРСК
ЧАЙНИ

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», «ACT», 2006, том 125 «Конан и морок чаши»
Айрин М. Дэн. Персиковое дерево (повесть), стр. 177-318

- [Айрин М. Дэн](#)

○

Айрин М. Дэн

Персиковое дерево

Никогда не пейте с магами... Мысль была мутной, но здравой. Жаль только, что, как и все здравые мысли, пришла она слишком поздно. Они вообще очень неторопливые, эти самые здравые мысли. Неторопливые такие, важные и все из себя ну очень солидные. Они никогда не спешат. Это ниже их достоинства, надо полагать. И потому приходят они обычно с заметным опозданием.

Как правило — на следующее утро...

Голова болела.

Впрочем, сказать так о голове в данном конкретном случае было то же самое, что сказать о горах Северной Гиркании, что там иногда встречаются кхитайские змеи.

Ну да.

Конечно, встречаются.

Этак штук по пять долбаных змеев на каждый долбанный кусок этих самых в конец и насквозь продолбанных северо-гирканских гор, провалиться бы им вместе со всеми змеями куда подальше!..

Голова болела...

Все маги — сволочи.

Немногим лучше змей. А, может быть, даже и не лучше. Хуже. Может быть. Все. Даже те из них, которые поначалу кажутся вполне приличными. Такие как раз на поверку и оказываются самыми мерзкими. Потому что с ними, такими приятными и безобидными на первый взгляд, потихоньку теряешь бдительность и как-то забываешь, что они — тоже маги. И о том, что все маги — сволочи, тоже как-то забываешь. С ними, с магами этими, которые приличными выглядят, вообще нельзя иметь никаких дел. Даже пить.

Пить — особенно.

Никогда не пейте с магами!..

Эрлик ее забери, как же она болит-то...

Впрочем, все остальное тело тоже чувствовать себя не так, чтобы очень. В животе бурлила та дрянь, что была выпита уже под утро, когда обнаглевший вконец трактирщик вместо вполне приличного оффирского

красного стал наливать к кружки какую-то откровенную местную кислятину, недобродившую как следует даже и кто знает чем для крепости забодяженную.

Такую гадость только по большой пьяни и можно приличным постояльцам подсовывать, да и то — только под утро, когда они начинают относиться к окружающему миру с повышенным уважением.

И вот теперь, стало быть, это, под утро с большим уважением выжранное, настоятельно просилось наружу. А потому вставала насущная проблема приведения тела в вертикальное положение.

Ну да.

И эта — тоже. Вино — оно ведь тоже жидкость. В какой-то степени. А жидкость иногда и удалять требуется. И желательно, чтобы произошло это все-таки не внутри помещения, это даже варвары понимают.

Конан опустил ноги с широкой лежанки, нащупываясь нашарить скинутую вчера зачем-то обувку. Вот же приспичило непонятно зачем разуваться, ищи ее теперь... Но вместо привычных сапог пальцы нашарили лишь какие-то подозрительные переплетения ремешков.

А...

Ну да...

Сандалии.

Кажется, это кожаное недоразумение называется именно так. Ими с Конаном поделился как раз этот самый маг, показавшийся поначалу почти что и приличным, почти что и человеком. Потому что с сапогами вчера вышло, как бы это сказать... недоразумение. Если память не врет, он их вчера трактирщику подарил. От избытка не совсем трезвых чувств. И тот, харя жадная, принял, не побрезговал. Вот ведь повезло не по делу вчера уроду жирному... Вернее, не вчера — за крохотным оконцами как раз уже начинало потихоньку светлеть. Так что считай, что сегодня уже. С большим, так сказать, уважением...

Никогда не пейте с магами...

Ноги болели.

Кое-как пропихнув пальцы под скрипучие ремешки, вихляющиеся, словно бедра у пьяной танцовщицы, Конан попытался привести себя в вертикальное состояние при помощи рук. Он был упрям, как и любой киммериец. И поэтому с третьей попытки это ему удалось. Ну — почти удалось.

Руки подгибались и тоже болели. Особенно — правая.

Но это-то как раз понятно — вчера сдуру занялся он с тем самым поганым мажонком рукоборством.

Рукоборством.

С магом.

Ну да.

Милосердная память не показывала, чем же в конце концов эта глупость невероятная завершилась, только ведь и без ее подтверждений понятно любому... хм... варвару. Даже из Киммерии.

Маги — они и вообще существа довольно мерзкие. И чем старше да опытнее — тем мерзее. Словно хороший человеческий характер и глубокое постижение магического искусства — вещи взаимоисключающие. Как вода и вино. Не может их быть в одном сосуде одинаково много. Чем больше одного — тем меньше другого.

Трил, стражник сопровождающий караваны на турецких караванных путях, с которым Конану довелось довольно приятно пообщаться две зимы назад на всем долгом, занявшем более четырех лун пути от Шема почти что до самого Султанапура, говорил, правда, что был дружен с одним. Вполне, говорил, приличный тип, можно даже сказать — человек. Если, не врал, конечно. Это же Трил, караванный охранник, а у вечерних костров на стоянках длинного перехода и не такого наслушаться можно...

Самому же Конану приличные маги пока что как-то не попадались. Шваль одна.

Вот и этот, вчерашний, на поверку таким же оказался.

Внешность — как у оципанного гусенка, соплей перешебить можно, не особенно при этом и напрягаясь. Ручки-ножки тощенькие, мосластенькие, торчат из-под укороченного плаща во все стороны и вечно друг о другу цепляются да путаются. Волосенки коротенькие, цвета неопределенного и тоже спутанные. Хотя, казалось бы — чему там путаться? И до плечиков остреньких и узеньких не достают даже волосенки-то эти, смотреть противно. Носик кнопкой, морда прыщавая... Да и какая, в сущности, это морда? Так, мордочка, остренькая да хитренькая, как у мелкого крысеныша, сало в крысоловке унюхавшего. И хочется, и боязно, и мама-крыса за хвост дергает... Короче, напоминал этот мажонок впервые сбежавшего из-под мамкиной опеки богатенького да знатненького недоросля, ни разу ни то что приличной драки — женщины приличной и то не нюхавшего. А самому при этом, как позже выяснилось, не то двести, не то и все триста в обед стукнуло, вот и угощал, зараза, не скучая...

Тьфу...

До двери оказалось неожиданно далеко — шагов десять, а то и двенадцать. А вчера сгоряча казалось — два-три, не больше. Проклятый

трактирщик за ночь не иначе как поменял местоположение этой самой двери, заколотив прежнюю и прорубив новую — подальше. Специально, чтобы бедные постояльцы с утра еще больше мучались! Вот же зараза жирная... Чуть не навернулся со ступенек — проклятый трактирщик и их, похоже, со вчерашнего вечера умудрился надстроить, чтобы порядочные люди ноги ломали! С трудом нашупал притолоку — до нее тоже оказалось раза в два дальше, чем помнилось — и наконец-то выплеснул из себя гнусную отраву, лишь по какому-то дикому недоразумению именуемую в данной харчевне вином. Полегчало.

Настолько, что он даже рискнул слегка приоткрыть заплыvшие глаза.

И сразу же пожалел об этом — яркий свет резанул по глазам не хуже кинжала из тех, что когда-то, в седой и далекой древности, так любила применять к своим многочисленным родственникам иранистанская высшая знать. От того-то они, наверное, и выродились, иранистанцы-то эти, что травили да резали своих же в борьбе за наследства и привилегии, от того-то и взяли их тепленькими дикие кочевники.

Впрочем, проблемы и неприятности давно сгинувших иранистанцев Конана огорчали как-то не очень. Куда неприятнее и огорчительнее было то, что от выжатых дневной яркостью слез воспаленные веки словно жидким огнем обожгло, — он даже застонал слегка от неожиданности, наощупь, пытаясь вернуться обратно в спасительную тень. Стон получился тоже какой-то несолидный, больше похожий на жалобное поскрипывание. Совсем, короче, непристойный какой-то звук, прямо-таки позорящий честное имя настоящего мужчины и благородного варвара. Хорошо еще, что свидетелей у подобного неприличия не оказалось — залитый послеобеденным зноем задний дворик был абсолютно пуст. Кое-какие навыки невозможно пропить даже с магами, и для того, чтобы почувствовать это, киммерийцу вовсе не нужны были глаза...

В тени, кстати, им полегчало сразу же. И настолько, что он даже снова рискнул повторить неудавшуюся на улице попытку с их открыванием.

Получилось, хотя и не полностью — открылись они узкими щелочками, словно бойницы в осажденной врагами крепости. И левый почему-то чуть ли не два раза шире правого. Ощупав правую половину лица и болезненно морща при этом, Конан установил причину — ею оказался мощный фингал.

Интересно, это кто же у нас тут такой смелый, чтобы самого Конана подобными украшениями отоваривать?!

Наверняка ведь трактирщик, собака, воспользовался бессознательным состоянием постояльца, то-то харя его мерзкая еще вчера так и просила

хорошой плюхи. Интересно, кстати — допросилась ли? Память на этот счет хранила гордое молчание, словно попавшийся в плен к своим извечным врагам вождь мерзких пиктов. Трактирщик мелькал в этой самой памяти жирной угодливой жабой, слишком мерзкий и слишком увертливый, чтобы о нем захотелось всерьез марать руки. А вот мажонок — он таки да, нарвался. Причем — еще в самом начале. Уж больно вид у него был... К тому же он еще и что-то такое сказал про Киммерию... что-то такое, что ни один уважающий себя киммериец стерпеть ну просто не в силах. Вот и нарвался...

Конан не сильно его пнул. Сдержал себя в последний момент, убивато он не хотел, так, поучить только. Да много ли этакому задохлику надо? Брык — и лежит себе, даже не дышит. Пришлось еще пару раз по мордочке надавать, с оттяжечкой уже, легонько так, лишь для приведения в чувства. И помочь потом сесть обратно на упавшую было лавку, и сор с одежды постряхивать, а то поначалу мажонок этот соображал не слишком хорошо, только глазами вращал и губами хлопал. И трактирщика шугануть, а то он, гнида такая, под шумок вознамерился обшарить карманы так внезапно захворавшего гостя.

Так и познакомились.

А когда оказалось, что человек не просто так куражится, а важный праздник свой отмечает, Конану и вообще грустно стало. У человека, понимаешь, день такой, а он его, понимаешь, по морде... Как тут было не выпить? Тем более, что вино у мажонка отменное было — не заморийское, правда, но вполне приличное огирское, темное, густое и терпкое, словно кровь жертвенной девственницы. Такое вино само в глотку льется, по жилкам живой водой разбегается. Это потом уже трактирщик обнаглел и стал свою бурду подсовывать, под утро, когда бдительность потеряли, а поначалу-то вино было знатное...

Вино.

Ну да...

Иссушенный похмельем организм требовал как раз именно этой живой воды.

И побольше.

И немедленно...

И пусть даже живая вода эта будет местной кислятиной, один Эрлик знает чем разбодяженной...

— Трактирщик!

Голос оказался одновременно сиплым и писклявым — короче, таким же мерзким, как и общее самочувствие. Да и ударить кулаком по столу как

следует не получилось — не то, что ни одной кружки не разбилось — не опрокинулось даже, а дубовая столешница не то что не треснула — даже не дрогнула. Узнать бы, чем эта жаба свою кислятину крепит, да нацедить бурдючик — незаменимое средство в дороге! Против крыс, москитов и прочей нечисти. Сам Конан мог навскидку назвать пару-другую имен хотя бы в том же Шадизаре, обладателей которых он с удовольствием угостил бы именно из подобного бурдючка...

Додумать и как следует посмаковать столь приятственную перспективу ему не дали — трактирщик вздигся по ту сторону стола огромной жирной горой. И горой, чем-то очень недовольной.

— Ну?

Начало разговора не слишком-то многообещающее. В любой другой день Конан с удовольствием отполировал бы жирную трактирщицкую морду о какую-нибудь подходящую поверхность — да вот хотя бы об эту дубовую столешницу и отполировал бы, зачем далеко ходить? Так сказать, для придания морде этой должного выражения угодливой любезности. Но сейчас в жирной руке трактирщика вожделенным спасением маячила запотевшая глиняная кружка ласкающая глаз объемом, отчего и сам трактирщик выглядел не столь мерзко. Поэтому Конан был лаконичен:

— Вина!

— Господин желает вина? — спросил трактирщик как-то слишком уж вкрадчиво. И кружку почему-то на стол ставить при этом совсем не спешил, — А расплатиться за вчерашнее безобразие господин, часом, не желает?

Наглость была настолько вопиющей и неожиданной, что Конан оторопел. Он, конечно, много не помнил из событий сегодняшней ночи, но свои сапоги он помнил великолепно. Вернее, теперь уже не свои сапоги...

Так ведь в том-то и дело, что теперь уже не свои!

А какие это были сапоги!

Почти новые — и года не проносил, разве это срок для настоящей драконьей кожи. А тройная прошивка усами речного демона, обеспечивающая владельцу абсолютную непромокаемость и непотопляемость?! О такой прошивке мечтает каждый, да только вот мало кому удается обыграть речного демона до самых усов! У любого из этих проживающих лишь в Запорожке подкоряжников добра натасано немеряно, хоть три года подряд обыгryvай — все равно все не выиграешь! Да и торгаются они над любой дрянью. Хотя, конечно — азартны они очень, и человек опытный да терпеливый... Но не о том же речь!

Речь о сапогах.

А какая у них подошва!..

С тем драконом, из-под хвоста у которого Конан лет шесть назад вырезал на спор две огнеупорные подошвы, лучше было бы больше никогда не встречаться — и не только самому Конану. Хотя бы в ближайшее время. Лет этак двадцать-тридцать. Как минимум. У драконов — память долгая. И шутки они понимают как-то не очень чтобы.

Этот, во всяком случае, не оценил.

Совсем.

И вот эти-то сапоги, которым нет ни цены, ни сносу, пришлось вчера... нет, уже сегодня... отдать этой наглой жирной харе, потому что пить всю ночь за чужой счет настоящему благородному варвару как-то не пристало, а выданные казначеем шаха Турана подорожные давно кончились.

Память — она, конечно, баба. И, как всякая баба, вполне могла и соврать. Что с нее, с убогой, возьмешь?

Да только вот именно эти бесценные великолепные сапоги красовались сейчас под столом, грубо распираемые жирными икрами наглого трактирщика, так что и речи не шло ни о какой ошибке. Речь шла только о запредельной наглости.

Именно из-за этой выходящей за всякие рамки запредельной наглости и абсолютной ее необоснованности Конан поначалу даже не возмутился.

Удивился только.

Понимая уже, что морду о столешницу полировать сегодня все-таки придется и не испытывая по этому поводу ни малейшего восторга — так, ничего личного, просто нудная и необходимая рутина, — он глубоко вздохнул, как следует прочищая легкие перед нудной, но крайне необходимой тяжелой работой по вразумлению нахалов.

И встал.

А, встав, удивился второй раз.

И уже сильнее.

Последние несколько лет он редко становился участником обычных драк, уличных или трактирных, неважно, возникших непонятно по какому поводу, а главное — никому не нужных и, стало быть, никем не оплачиваемых. Драки за деньги — не в счет, это работа. Обычным же забиякам, как правило, хватало здравого смысла обходить стороной те огромные двуногие ходячие неприятности, которые он из себя представлял. А ежели в трактирном чаду его задевали, не успев как следует рассмотреть, он просто вставал и глубоко вздыхал, во всю ширь разворачивая мощные

плечи. И обводил окружающих забияк тяжелым взглядом синих глаз.

Медленно так обводил.

Глядя при этом сверху вниз.

Иногда даже голову слегка наклоняя, если забияки особенно мелкие попались.

Подобного действия обычно оказывалось вполне достаточно для дальнейшего мирного и спокойного времяпрепровождения на весь оставшийся вечер. Или даже на несколько вечеров. Длительность воздействия напрямую зависела от количества предварительно забияками принятого на грудь и качества их памяти.

На этот же раз привычное действие почему-то ни малейшего воздействия на окружающих не оказалось.

Более того — встав, Конан с удивлением обнаружил как раз напротив своего лица верх грязного трактирщика халата, расстегнутого чуть ли не до пупа. Трактирщик нависал над столом всем своим огромным пузом, и потому Конан очень подробно мог бы рассмотреть каждую обломанную застежку засаленного халата и каждый волосок на жирной груди. Если бы хотел, конечно — поскольку располагались они в данный момент в полутора ладонях от его носа.

А вот для того, чтобы посмотреть трактирщику в наглую харю, ему пришлось бы запрокидывать голову...

Что за дела?..

Он же ясно помнил, что трактирщик, хотя и был мужчиной немаленьkim, доходил ему в лучшем случае до середины плеча! И то, если бы выпрямился. В обычном же своем состоянии он вообще предпочитал не подниматься выше пояса, справедливо предполагая, что близость к полу обеспечивает дополнительную безопасность и надежность. Особенно, когда в твоей таверне варвары гулять изволят. Вернее — один варвар. Но который многих стоит. Во всех отношениях...

О подобной странности, конечно, следовало бы подумать. И подумать серьезно. Но этому мешал дразнящий аромат, исходящий из вожделенной кружки. Справедливо решив, что рассматривать грязные трактирщицкие шмотки ему ни к чему, а поразмышлять о разных странностях он сможет и потом, Конан протянул вперед руку, сграбастал трактирщика за отвороты его давно не стиранного халата и как следует тряхнул для надлежащего вразумления.

Вернее, попытался тряхнуть.

Но не смог.

И с ужасом уставился на свою руку.

Вместо мощной, покрытой вздутыми буграми стальных мышц и перевитой защитными ремнями из продубленной ветрами и солнцем тысяч дорог кожи каменного варана, руки настоящего мужчины его взору предстала бледная скрюченная лапка. Вся какая-то высохшая, словно совсем лишенная плоти, с обвисшей морщинистой кожей, да еще и покрытая старческими пигментными пятнами. Именно такая жалкая конечность, вырастая из Конановского плеча, жалко царапала сейчас по необхватной груди трактирщика, тщетно пытаясь ухватиться скрюченными пальцами сразу за оба отворота его халата.

Трактирщик тоже посмотрел на эту руку. Сверху вниз посмотрел. Стряхнул ее со своей груди — словно назойливое насекомое, одним движением мощного плеча. На его лоснящемся лице пропало выражение брезгливой жалости.

— Вышвырните на улицу этого попрошайку! — бросил он двум то ли сыновьям, то ли племянникам, во всяком случае, явное семейное сходство с жабами проглядывало в обоих. Подумав, добавил: — Только вы это... не очень-то!.. А то знаю я вас... А много ли такому задохлику... возись потом с мертвяком...

Рухнувший обратно на лавку Конан еще успел подумать, что жирная жаба, угодливо копошащаяся где-то на уровне его пояса, выглядит почему-то совсем иначе, чем огромная жирная жаба, над тобой нависающая. Особенно, если жаб этих две. И намерения у них...

А потом его сгребли за шиворот, проволокли до выхода — еще одно непривычное ощущение — волокли его практически на весу, носки сандалий пола почти что и не касались! — и швырнули в придорожную канаву.

Бить не стали, послушные мальчики — так, пнули слегка пару раз, для приличия, да раскачали на пороге, чтобы отлетел подальше...

Воды в канаве не было — лето в этом году было на редкость засушливым. Отплевавшись от набившейся в рот пыли, Конан сел. Вытер руки обрывками куцего плаща. Холодея от ужаса, осмотрел их — теперь уже обе.

Левая ничем не отличалась от правой — такая же бледная, тощая и жалкая. Впрочем, торчащие из-под плаща грязные ноги выглядели ничуть не лучше. Остальное было милосердно прикрыто от взоров непривычной одежонкой: короткими штанишками и обнаруженной под плащом рубахой странного покроя. Но что-то подсказывало Конану, что и там он вряд ли обнаружит что-либо утешительное. Впрочем, он не привык верить увиденному без немедленного предъявления веских доказательств. А

потому, нахмурившись, принял распутывать сложную шнуровку этой странной рубахи.

— Если господин варвар имеет намерение раздаться, я бы посоветовал ему отойти немножко подальше. Да вон, хотя бы в ту вон рощицу! А то местные жители — народ простой, они могут неверно истолковать... оскорбиться даже. И тогда — точно побьют. Может быть — камнями.

Голос показался знакомым. Да и в словах говорившего был резон — местный трактирщик был выходцем из Британии, а потому содержал при постоялом дворе небольшую храмовину, посвященную Виккане. Маленькую, но вполне настоящую, с призванными изображать священный сад тремя чахлыми кустиками остролиста перед входом и даже одной настоящей жрицей — жалкой и вконец опустившейся старухой, согласной работать только за угол и кормежку. Располагалось все это прямо напротив постоялого двора.

Через дорогу. И потому, начни Конан тут разоблачаться догола, как намеревался было по запарке, да к тому же еще и — спиной к храму, это действительно могли бы посчитать святотатством. И отреагировать соответственно. Тем более, что гнусная старуха, седых своих патл, похоже, не только ни разу в жизни не стригшая, как раз выглядывала из дверного проема, взирая на Конана с жадным любопытством.

Конан затянул шнуровку у горла и обернулся.

Сидевший в небрежной позе на придорожном камне мужчина показался неуловимо знакомым. Был он огромен и вызывающе хороши собой. Охотник. Воин. Боец.

Короче — варвар.

Возможно даже — киммериец, не зря же акцент что-то смутно напоминал.

Слегка выгоревшие на солнце черные волосы были небрежно собраны на мощном затылке в хвост, которому позавидовал бы любой гирканский жеребец. Светло-голубые глаза на дочерна загорелом лице смотрели с насмешливой уверенностью в способности их обладателя справиться с любыми жизненными неприятностями, если такие встретятся на его пути. Горделивая осанка выдавала привычку подолгу держаться в седле, мощные руки были небрежна скрещены на широченной груди, крест на крест перетянутой широкими кожаными ремнями поверх стеганого жилета — что, кстати, выдавало человека не только опытного, но и предусмотрительного. Босые ноги попирали придорожную пыль мощно и уверенно, широченные штаны были закатаны до колен, а выше обтягивали бедра, словно влитые, несмотря на всю свою непомерную ширину —

слишком уж крупны были бедра эти, размером с торс обычного среднего мужчины, не меньше. Даже сидя он выглядел высоким.

Но внимание Конана привлекли именно руки. Хорошие такие руки. Мощные, сплошь покрытые вздутыми буграми стальных мышц и перевитые защитными ремнями из кожи каменного варана. Обожженные и продубленные ветрами и солнцем тысяч и тысяч дорог. Руки настоящего мужчины.

Его, Конана, руки.

Он мог не узнать своего лица — не так уж часто приходилось видеть, да и зеркала, что водные, что новомодные бронзовые, особой точностью изображения не отличались. К тому же, что он — женщина, чтобы на свое отражение любоваться?

Но руки — дело иное. Их он видел каждый день. По многу часов подряд. Сжимающие оружие или чье-то горло, напряженные или спокойные, ловко управляющиеся с замками и хитроумными женскими одеждами.

Их не узнать он просто не мог.

А значит...

Значит, перед ним, вольготно развалившись на придорожном камне, сидит наглый вор. Вор, каким-то непонятным образом сегодня ночью укравший его тело. А теперь вернувшийся, чтобы над ним же еще и посмеяться...

Конан знал лишь один способ обращения с ворами подобного сорта...

Нехорошо оскалившись, он рванулся вперед, намереваясь одним ударом сбросить наглого вора с его насеста в придорожную пыль — и был опрокинут ударом горячего ветра в грудь.

— Вижу, господин варвар, что память к вам так и не вернулась, — сказал вор сочувственно, — держите! Полагаю, это способно помочь...

И он протянул Конану приятно булькнувшую баклажку.

Это был маг.

Тот, вчерашний, — теперь Конан узнал его манеру говорить, поначалу его сбил с толку собственный голос — красивый и низкий, который менял речь до полной неузнаваемости.

Это был тот самый маг.

Тот, вчерашний, показавшийся поначалу почти что приличным человеком.

И маг этот наверняка сейчас применил по отношению к Конану какие-то свои магические штучки.

Иначе чем можно было бы объяснить то обстоятельство, что Конан не

только безропотно взял протягиваемую ему баклажку, но и выпил ее всю, до донышка — точно так же безропотно. Хотя еще совсем недавно пришел к твердому убеждению, что пить с магами — последнее дело.

Вино у мага было хорошее. Офирское, темное и густое. С пряным и чуть горьковатым запахом степных трав. И, возможно, именно привлеченная этим соблазнительным ароматом, блудная память решила наконец-таки вернуться.

Память — она, конечно, женщина.

Только вот вернуться она решила как-то очень уж по-мужски...

Так возвращается в свой отряд пьяный наемник, избивая всех встречных и поперечных только потому, что в шлеме они, или же наоборот — без шлема. Так возвращается домой из длительного отсутствия по торговым делам муж, которому доброжелательные соседи уже успели доложить все произошедшее...

Первое, чему учат гладиаторов на арене — это держать удар. Это порою важнее, чем уметь владеть мечом — тот, кто не понимал этого сразу, на арене не выживал. Погибал от первого же удара, держать который не умел. Зачастую так и не успев даже разок взмахнуть мечом.

Конан — выжил.

И потому сейчас не схватился руками за голову, не взвыл, не застонал сквозь зубы. Просто лицом окаменел.

Не воровство это было.

Спор.

Честный спор. Даже с привлечением в свидетели всех четырех стихий, что давало абсолютную гарантию честности обеих сторон. Не прикопаешься.

И некого обвинять, кроме себя самого да гнусного трактирного пойла. Как младенца, на «слабо» взяли! «А слабо вам, господин варвар, безо всей вашей знаменитой варварской силы, немеркнущей славы и удачи немереной хотя бы разок...» «Кому слабо?!! Мне — слабо?!!»

Вот же влип...

— Полегчало?

Маг смотрел вроде бы доброжелательно. Но Конан каким-то звериным чутьем ощущал затаившуюся на дне светло-голубых глаз — своих глаз!!! — издевку. Сощурился. Вздернул подбородок — в некоторых странах именно такое движение головой служит эквивалентом утвердительного кивка, если маг опытный, то поймет. Сам же кивок был бы слишком похож на уважительный поклон, а проявлять уважение именно сейчас и именно к этой персоне Конану хотелось менее всего.

— Условия?

— Но мы же вполне обстоятельно уже договорились обо всем ночью? — маг недоумевающее заломил бровь и теперь смотрел на Конана, словно ожидая подтверждения.

Но Конан молчал и сверлил взглядом переносицу мага.

Тот занервничал.

— Хорошо, хорошо, если господин варвар желает, я вполне могу и повторить еще раз... Специально для господина... э-э... варвара. Мне не трудно. Если господин варвар помнит, то ночью у нас зашел спор о том, насколько всем известные знаменитые и неподражаемые таланты господина варвара зависят от грубой физической силы. Я позволил себе утверждение, что, будучи лишенным оной силы, господин варвар не сможет справиться с предстоящим ему очередным заданием. Даже таким простым, каковое было поручено господину варвару, не далее, чем вчера. Господин варвар на это очень возражал. Мы поспорили и ударили по рукам, призвав в свидетели все четыре стихии. На время спора мы обмениваемся телами. Подчеркиваю — только на время спора, независимо от его результатов. Мне мое тело, знаете ли, дорого... для определения победителя встречаемся здесь же, ровно через семь дней. Господин варвар сам настаивал именно на таком сроке, но я не хочу быть мелочным, и потому буду ждать до конца луны — мало ли какие сложности у господина варвара могут... э-э... возникнуть... Если господин варвар успеет в это время справиться с порученным ему заданием, что очень сомнительно, я обязуюсь выполнить любое его желание. Подчеркиваю — любое. Если же загаданное господином варваром желание окажется мне не под силу, что еще более сомнительно, я заменю его магической отработкой, поступив в полное и единоличное владение господина варвара сроком на одну зиму, день в день. Если же выигрываю я — господин варвар оказывается уже в моем полном и единоличном владении. На тот же срок. Полагаю, это справедливо?

Конан стиснул зубы так, что зазвенело в ушах, а во рту что-то вроде даже хрустнуло. Зубы у мага были так себе. Плохонькие такие зубы горожанина, лишь слегка укрепленные магией. Им никогда не приходилось грызть полусыре мясо или вцепляться в горло врага. Короче, от них никогда не зависела жизнь их владельца...

— Вполне. И я могу верить, что ты сдержишь слово, данное... варвару?

Маг в картинном удивлении высоко поднял черные брови, округляя глаза. Конана даже затошило — до того глупый вид получился при этом у

такой родной физиономии. Хорошо еще, что сам он никогда так не делал.

— Спор разбит при помощи всех четырех стихий, неужели этого мало? Или... господин варвар не припоминает?..

Конан поморщился.

— Ну что ж... тогда — желаю удачи, господин... э-э... варвар... — маг насмешливо отсалютовал Конану, легко поднял огромное мощное тело с камня и пошел себе по дороге, словно обычный путник.

— Маг! — сказал Конан ему в спину, когда их разделяло шагов десять.

Негромко так сказал.

Но маг вздрогнул, как от неожиданного удара — столько ненависти удались вложить Конану в это короткое слово.

— У меня есть имя, маг.

Маг обернулся. Еще раз отсалютовал, уже не скрывая насмешки. Развел мощными руками.

— Оно принадлежит этому телу, господин варвар. Так что в данный момент у вас имени нет...

* * *

Задание действительно было не очень сложным. Во всяком случае — казалось таким еще вчера...

Эсаммех, выполняющий при странствующем туранском принце Джамале обязанности то ли проводника и толмача, то ли доверенного слуги, разыскал его три дня назад очень вовремя. Еда давно закончилась, вино тоже куда-то делось, две отзывчивые поначалу девки-хочотушки, подцепленные Конаном по случаю успешно провернутого дельца, видя такие обстоятельства, последовали его примеру, а неблагодарный хозяин харчевни как раз вызвал отряд городской стражи для выдворения разорившегося постояльца.

Стража эта теперь топталась внизу, там, куда Конан некоторое время назад уронил с лестницы огроменный сундук из железного дерева. Кстати сказать, затачивали этот сундук на второй этаж шестеро рабов-тяжеловесов, привыкших ворочать огромные глыбы в каменоломне. И потребовался им на это почти что целый день времени, с двумя усиленными кормежками для восполнения потраченных сил...

Конан справился один.

Причем — совершенно натощак. И времени затратил не больше, чем потребно жрице Дэркето на то, чтобы раздвинуть свои колени при виде красивого юноши.

Сундук был очень крепкий — на то оно и железна дерево. На нем даже трещины не возникло. Чего, конечно, нельзя было сказать о несчастном здании харчевни, поскольку полы, стены и лестница ее были отнюдь не из железного дерева. Хлипкие такие полы да стены, из местного сероватого песчаника, ненадежные, одним словом — по сравнению с полновесным сундуком в полтора человеческих роста, вырубленным каким-то умельцем из цельного ствола...

Вот и проломил сундук ненадежные плиты эти, словно яичную скорлупку, уйдя в землю под ними чуть ли не наполовину, а заодно и смахнув весь нижний пролет ведущей наверх лестницы, словно его тут и не было никогда. Что, конечно же, существенно затрудняло горячее намерение стражи туда подняться. А заодно и несколько понижало и саму горячность этого самого намерения. Они, пожалуй, и вообще предпочли бы покинуть заведение, оставив хозяина самого разбираться со своими проблемами и постояльцами, если бы не маячила в гостиничных дверях непробиваемым заслоном мрачная фигура сержанта.

Так что злые и перепуганные стражники топтались себе внизу, раздираемые внутренними противоречиями и никак не способные решить, кого же они все-таки опасаются больше, а Конан, злой и голодный, в предвкушении веселой разминки поглядывал на них сверху, попутно размышляя над тем, чего бы еще на них уронить.

В этот момент Эсаммех и появился — маленький, седенький, с козлиной бородкой и льстивыми манерами, кланяющийся через слово и растягивающий все многочисленные морщины своего невероятно сморщенного лица в вечной беззубой улыбке от уха до уха.

Он непрестанно что-то говорил, улыбался и кланялся, кланялся, кланялся... Он кланялся всем — сержанту, хозяину гостиницы, оторопевшим служкам, Конану, стражникам — всем вместе и каждому в отдельности. И очень скоро все оказалось уложено самым прекрасным образом.

Стража ушла, вполне удовлетворенная: сержант — позякиванием в кошельке, а стражники — сохранностью зубов. Довольный хозяин, тоже разбогатевший на пару монет, скрылся в глубине дома и больше не надоедал Конану разными глупостями. На верхний этаж при помощи веревки был подан обед, вполне ублаживший Конана, а тем, что осталось от лестницы, с энтузиазмом занялись четверо малолетних оболтусов,

обрадованных неожиданным развлечением.

* * *

Обычно после обеда настроение Конана менялось к лучшему. Особенно, если еда соответствовала его представлениям о трапезе приличествующей настоящему варвару. Поэтому благодушно рыгнув, Конан согласился принять щустрого старишку. Принять и выслушать. Просто принять и выслушать — ничего более...

Вот тут-то и выяснилось, что предлагать старишок желает вовсе не от своего имени.

Выяснилось, правда, не сразу — оказавшись в занимаемой Конаном комнатушке, старишок по-прежнему улыбался, кланялся и говорил, говорил, говорил... Говорил он много и цветисто. О добрых старых временах, когда жили настоящие герои, покрывшие себя неувядающей славой. О сложности современной поры для достойного человека, когда настоящие герои вынуждены наниматься в охранники к разжиревшим купчишкам или служить в городской страже.

Говорил он все вроде бы правильно. Только вот через поворот клепсидры Конан поймал себя на том, что клюет носом, убаюканный плавно текущими восхвалениями.

Это его слегка рассердило.

И потому он демонстративно громким зевком прервал очередную тираду и приказал старишку отвести себя к хозяину. Поскольку он, Конан, переговоров о важных делах со слугами отродясь не вел, а подобное щустрое трепло никем другим просто не могло быть.

Он понял свою ошибку сразу, едва переступив порог уединенного дома на окраине Шадизара — куда привел его стариик. Выяснилось, что словоохотливость была свойственна не только слуге. Пусть даже и доверенному.

* * *

Хозяин шустройго старичка, турецкий принц Джамаль, был точно так же суетлив и пышнословен. На этом, правда, все сходство между ними заканчивалось, поскольку хозяин был молод, смугл, высок и черноглаз. Блестящие волосы его метались за спиной беспокойными черными крыльями, когда резко менял он позу или взмахивал руками, пытаясь жестами усилить свои слова. Не в силах усидеть на месте, он метался по внутреннему закрытому дворику и говорил, говорил, говорил. Его руки тоже непрестанно метались, разбрызгивая по серым камням яркие отблески от самоцветов перстней. Камни были такой ослепительной яркости и величины, что заставляло человека понимающего непременно усомниться в их подлинности.

Маленькое простенькое колечко черного золота совершенно терялось на фоне этого великолепия. Малоопытный вор ни за что не позарился на подобную безделушку, даже и не заметив его, ослепленный и зачарованный окружающим сверканием.

И только поэтому остался бы жив.

Конан не был начинающим. И заметил колечко сразу. С первого же беглого взгляда.

За одну эту вот безделушку можно было оптом скупить не только все, что красовалось на руках и одежде его собеседника, но и все, что их окружало. Включая бесценные венецианские ковры, в которых человек утопает чуть ли не по колено и редкие китайские сосуды тончайшего фарфора, что стояли у входа во дворик. Про такие мелочи, как усеянная драгоценными камнями золотая и серебряная посуда на низеньком лаковом столике, и говорить было смешно.

И вовсе не потому, что все драгоценности эти были фальшивыми. Напротив! Маленькое черное колечко как раз и было гарантией их подлинности. Потому что обладатель явно имел возможность ни в чем себе не отказывать.

Кольцо было фактически бесценным.

За него одно при желании можно было, наверное, купить весь Шадизар, включая Ларшу со всеми ее проклятыми сокровищами, некогда погубившими отряды Тиридата Заморийского. Если бы, конечно, нашелся покупатель, не только достаточно богатый, чтобы заплатить подобную цену, но и настолько безрассудный, чтобы колечко это в руки взять. Потому что носить его без вреда для собственного здоровья мог только потомственный турецкий вельможа, да не из простых, а королевской крови.

Кольцо это было невероятно старым, и каждый новый придворный

маг считал своим прямым долгом и почетной обязанностью наложить на него еще пару другую небесполезных для своего господина заклятий. На плодовитость и верность жен. На быстрое исцеление ран. На крепкое здоровье. От отравлений. От неудач на охоте. От вражеской стрелы. От измены друга. Да мало ли каких «от» и «на» понапридумывали эти маги за прошедшие века?! Кольцо от этого настолько пропиталось магией, что уже само по себе являлось властью, а не просто служило ее символом.

Именно таким вельможей королевской крови и был смуглый принц Джамаль — молодой мужчина с дергаными жестами и безумным взглядом, нервно расхаживающий перед спокойно стоящим Конаном. Варвар не понял бы ни слова из его сбивчивой речи, если бы ни старик-толмач, который ухитрялся шустро переводить многословные пассажи своего владыки.

Четыре луны назад он, лучший из лучших принц и один из наследников великого владыки был нагло и гнусно ограблен. Из его тщательно охраняемого сада умелые воры похитили Персиковое Дерево, жемчужину коллекции и усладу очей, отраду сердца и печени. Именно под сенью этого редкостного дерева предпочитал проводить молодой наследник послеобеденное время, у ее корней ночами виделись ему самые сладкие сны, навеваемые самым уладительным ветерком. Но вовсе не из-за подобных милых сердцу привычек не было Дереву этому равных под этим небом.

Просто Персиковое Дерево было деревом необычным.

Оно было волшебным.

И уж совершенно точно волшебными были два растущих на нем огромных персика, восторженному описанию которых принц Джамаль посвятил чуть ли не целый поворот клепсидры — ровно по половинке на каждый.

Этих персиков, похоже, всегда вырастало именно два. Идеально круглых и очень сочных. Мужчина, отведавший их нектара, становился неутомимым — обстоятельство, и для простого гражданина приятности не лишенное, а для турецкого наследника, с его многочисленным и постоянно пополняющие гаремом приобретающее важность просто первостепенную. В этом-то, похоже, и заключалась основное коварство похитителей — во всяком случае, с точки зрения самого Джамала. И именно из-за этого уникального свойства волшебных плодов, похоже, отсутствие персикового дерева на законном месте в саду не давало несчастному молодому Джамалю спокойно спать ночами — во всех смыслах этого слова.

Разумеется, он сразу же начал поиски пропажи. А как же иначе? Практически сразу же и начал. Как только немного успокоился и перестал метаться по дворцу с обнаженной саблей в руке и жаждой крови в черных безумных глазах, а оставшиеся в живых слуги смыли каменные плиты от крови своих менее удачливых коллег, не вовремя подвернувшихся под горячую руку. Отмыли хотя бы настолько, чтобы по ним можно было передвигаться, не рискуя на каждом шагу поскользнуться или споткнуться о чью-то свежеотрученную голову — рука у молодого наследника была очень горячей.

Но сразу же обнаружили определенные трудности в опознании грабителей — или хотя бы описании их примет. Конечно, та половина стражи, что пережила налет, вполне могла описать приметы преступников, а впоследствии даже и опознать их.

Могла бы... Если бы дожила до этого...

Молодой владыка не без оснований полагал, что именно стража в лучшем случае не слишком старательно выполняла свои прямые обязанности, а в худшем — так и вообще была подкуплена похитителями. А потому именно провинившиеся воины первыми усеяли своими повинными головами мраморные плиты дворцовых двориков. И, когда у принца Джамала появилась мысль о необходимости выяснения примет налетчиков, оказалось, что выяснить эти приметы было уже не у кого...

Другой бы на его месте сдался. Но молодой наследник был не только горяч — он был еще и упрям. К тому же немалое количество неудовлетворенных жен и наложниц могут придать невероятную храбрость и настойчивость даже самому робкому мужчине.

Разумеется, он нашел похитителей.

Да и могло ли быть иначе?

Конечно же, не могло! Глупый вопрос.

На это, правда, ушло четыре луны и куча золота из сокровищницы, но зато теперь он точно знал не только исполнителей, но и заказчика — и, глядя в мстительно сузившиеся черные глаза, Конан неожиданно для себя понял, что искренне сочувствует им обоим. Но в данный момент главным было то, что принц Джамаль знал точный адрес нынешнего обладателя бесценного дерева.

Именно поэтому он и приехал сюда — тайно, под чужим именем, всего лишь с жалким десятком слуг. Именно поэтому снял вот этот тесный домишко на задворках города, недостойный даже купца средней руки, а не то что лучшего из владык великого Турана, кровного наследника великого короля, да живет он вечно! Именно поэтому вот уже луну без малого

проживает он здесь в невероятно аскетических условиях, словно раб, почти не покидая своего тайного убежища и питаясь, чем придется, да что там — почти голодая!

При этих словах переводчика Конан оценивающим взглядом обвел загромождающую лаковый столик посуду и решил, что они с принцем Джамалем, пожалуй, одинаково правильно смотрят на количество и качество еды, необходимой настоящему мужчине для того, чтобы не голодать. Четыре жалких цыпленка, с десяток плошек с какими-то приправами к овощам, блюдо с этими самыми овощами, три маломерных кувшинчика с разными винами и крохотные плоские чашечки для этих самых вин, а также горы каких-то малопонятных, вареных в меду фруктов — нет, это не еда для настоящего мужчины! Так, баловство одно, только аппетит раззадоривает...

Воистину, великие жертвы уже принес Джамаль, обуреваемый справедливым желанием вернуть себе свою бывшую собственность. Он даже ходил по местным улицам в одежде, недостойной последнего нищего! Но подобные жертвы не были напрасными — он сумел подобраться к задней стене нужного ему здания никем не узнанным! И даже видел свое сокровище — мельком, в узкую щель в заборе, но видел! Собственными глазами убедился, что оно именно там, в целости и сохранности, и что новые хозяева, похоже, обеспечили ему вполне сносный уход.

Дело оставалось за малым. А именно — вернуть сокровище на его законное место в саду самого наследника.

Можно было, конечно, попытаться сделать это легальным путем. Да только вот вряд ли местные городские власти согласились бы с законностью требований какого-то там рядового купчишки, а открывать свое истинное имя и положение принц Джамаль хотел менее всего. По мотивам хотя и политическим, но вполне понятным. Продать только что купленное чудо-дерево нынешний владелец отказался — даже за сумму, превышающую заплаченную им самим в три раза. Для вооруженного же налета у принца сейчас было слишком мало людей — и не было никакой гарантии, что, попытайся он ввести в Шадизар стражников в необходимом количестве, местные власти не воспримут это как начало необъявленной войны. Да и соседние страны в подобной ситуации не останутся равнодушными, а развязывать долгое и кровопролитное всеобщее побоище Джамаль не хотел, несмотря на всю свою молодость и горячность. Оставалось одно.

Кража.

Тихая, незаметная, ловкая ночная кража.

Именно эту кражу и намеревался поручить молодой наследник Конану. Не слишком сложное, но очень неплохо оплачиваемое дельце. Дня три подготовки и одна ночь активной работы — и за все это полновесный мешочек с парой сотен завлекательно поблескивающих серебряных кружочков.

Конан ничем не выказал своего первоначального удивления несоразмерностью платы и оплачиваемой работы. И особой радости не выказал тоже. Он давно уже убедился, что лишней платы не бывает — наниматель всегда норовит придумать за эту самую лишнюю плату парочку дополнительных условий, выполнить которые зачастую оказывается намного сложнее, чем провернуть само дельце.

Вот и на этот раз он не ошибся — дополнительные условия обнаружились и у принца Джамаля.

Причем, судя по тому, как усиленно заметались его волосы и руки, не говоря уже о прочих частях тела, — условия эти относились к категории Очень и Очень Важных. Можно даже сказать — наиважнейших.

Условия эти касались собственно волшебных персиков..

Похоже, принцу крайне необходимо было не столько само дерево, сколько эти самые уникальные и неповторимые плоды. Во всяком случае, за сохранность и возвращение законному владельцу этих восхитительнейших и нежнейших фруктов в ненадкусанном и не помятом виде Конан должен был отвечать головой.

— Хорошо, — сказал Конан, героическим усилием воли подавляя зевок. — Я понял. Персики — это самое главное. Персики — и их сохранность.

Внезапно в его слегка затуманенную послеобеденной усталостью голову забрела интересная мысль. Конан пригляделся к ней — сначала недоверчиво, но потом со все большим воодушевлением. Мысль ему нравилась.

Нравилась настолько, что, пожалуй, требовала быть высказанной вслух.

— Послушай, принц! Если тебе так нужны эти персики — зачем тащить целое дерево? А сами плоды я украду в два счета, хоть сегодня же ночью...

И понял, что ляпнул что-то не то — с таким откровенным ужасом уставился на него толмач, даже морщины на лице его от ужаса слегка разгладились.

А в конановскую голову заглянула и вторая мысль — вслед за своей пришедшей ранее уж торопливой приятельницей.

Конан крякнул.

Вот же богами на голову обиженный! Легче ему, понимаешь... конечно, легче! Только вот кто будет платить полновесным туранским серебром за то, что способен походя совершить любой мальчишка?.. Дело, понимаешь, одного плевка... вот одним плевком тебе и заплатят! Вон как стариk глазенки-то вылупил — не верится ему, поди, что варвар сам себе цену сбивает.

Между тем стариk перевел — трясясь и запинаясь чуть ли не на каждом слоге. И теперь на Конана уставились уже две пары глаз — с одинаковым ужасом и неверием. А потом...

А потом Конан увидел кончик очень острого кинжала.

Хорошо так увидел.

Качественно.

Трудно не обратить внимания на кинжал, острый кончик которого находится в непосредственной близости от твоего собственного зрачка.

Конан замер.

Не от страха — бояться он разучился еще в раннем детстве. Не от растерянности — чего тут теряться? Ситуация яснее некуда.

Просто обретающийся на той стороне кинжала молодой Джамаль, похоже, был безумен, а таких лишний раз лучше не раздражать, когда подносят кинжал к твоему глазному яблоку. Думающие иначе обычно потом всю оставшуюся жизнь щеголяют роскошными украшениями в виде повязки. Этак наискосок... через то, чем они бесстрашно когда-то разглядывали кончик кинжала, уверенные, что его хозяин просто блефует. Те же из них, чья вера наиболее крепка — еще и с деревяшкой вместо ноги. Или — обеих ног. Это уже от уровня веры зависит.

Конан же в подобных случаях предпочитал не рисковать, а потому не шевелился и даже старался не моргнуть, чтобы не расположовать верхнее правое веко на мелкие ленточки.

Несколько мгновений длилась немая сцена, показавшаяся ее участникам очень долгой. Потом Джамаль внезапно отшвырнул кинжал в сторону. Конан видел, как тот воткнулся в стену и задрожал. Хороший кинжал, ничего не скажешь, за такой на рынке немало дадут, стоит запомнить на всякий случай...

Принц и наследник же тем временем неожиданно рухнул на колени и завыл, раскачиваясь из стороны в сторону, вцепившись руками в свою пышную шевелюру и добросовестно пытаясь проредить ее хотя бы наполовину. Повыв немногого и выдрав-таки пару черных клочков, он снова заговорил — еще более лихорадочно, чем раньше.

Конану запрещается рвать волшебные персики.

Конану запрещается вообще до них дотрагиваться.

Конану запрещается причинять нежнейшей кожице бесценного дерева хотя бы малейшую царапину.

Более того — Конану вообще запрещается под страхом мучительной смерти дотрагиваться до этого дерева голыми руками! Ему следует аккуратно изъять товар, запаковать в рулон нежного шелка — шелк Конану выдадут — и нести потом с величайшей осторожностью.

Конан затосковал.

Простенькое на первый взгляд задание становилось все более и более муторным, на глазах обраставая ловушками и подводными камнями.

— А если вред уже был причинен? Еще раньше? Мне нет охоты отвечать за чужие проделки.

Принц заверил, что в таком случае Конану ничего не грозит — у них есть свои способы установить, кто именно и когда причинил вред, после чего примерно наказать мерзавца. Правда, если указанный вред будет причинен именно волшебным персикам, то это скажется на величине оплаты. Полную Конан получит только за дерево с двумя плодами. Персики без дерева — тут у Джамаля задергалась щека — не принимаются и не оплачиваются вообще.

Конан вздохнул.

Дело ему уже давно перестало нравиться, но пока он не видел приличного способа отказаться, сохранив при этом лицо и получив хотя бы небольшую оплату — за беспокойство. Решил уточнить напоследок — так уже, на всякий случай.

— А если этих самых персиков будет больше? Мне тогда заплатят тоже больше — или как?

Принц Джамаль, услышав перевод, на какое-то время впал в ступор.

Моргнул даже.

Посмотрел на Конана с каким-то странным интересом. Еще раз моргнул. Старики-толмач же поинтересовался осторожно, явно по собственной инициативе — как это вдруг персиков может стать больше?

— Как, как... — Конана уже начинала злить эта болтовня. Тем более, что обед давно уже переварился, а нового тут, похоже, не предвиделось. — Выросли! Столько времени прошло — вполне могла еще пара-другая появиться...

Старик взвизгнул. Тоненько так — Конана аж передернуло. Потом перевел, продолжая повизгивать.

Пару мгновений Джамаль оторопело моргал, а потом вдруг тоже

разразился раскатистым хохотом. И только тут до Конана дошло, что визг стариичка тоже был всего лишь смехом.

Конан пожал плечами.

На богами обиженных не обижаются. Тем более — на тех богами обиженных, которые еще и платят. А эти платили, и платили хорошо — отвеселившись, принц Джамаль сказал, что удваивает названную первоначально сумму. Просто так удваивает, безо всяких условий — очень уж ему понравился веселый варвар со своими шутками.

А тут как раз и обед подали — хороший такой обед, хотя сладостей и тут было немерено. Туранцы умудряются даже мясо готовить с медом, такая уж странная нация.

После обеда Конана проводили к казначею, который выдал ему задаток и увесистый рулон золотистого шелка. Шелк занял большую часть заплечного мешка, но Конан не беспокоился — при выполнении этого дельца ему не понадобится много припасов.

Так что расстались Джамаль и Конан — если и не друзьями, то, во всяком случае, людьми, вполне довольными друг другом.

Четыре следующих дня Конан посвятил осмотру местности.

Обошел все расположенные поблизости от нужного дома таверны. В каждой посидел, выпил вина. Прислушивался к разговорам, разглядывал посетителей. С некоторыми даже знакомился.

Уже на третий день к вечеру он выяснил все, что хотел, и даже придумал способ почти законного проникновения на территорию нужного сада. Четвертый же потратил на уточнение деталей и создание подходящей ситуации. А вечером решил немного расслабиться. Немного, потому что на утро уже договорился об очень важной встрече.

Пришел в приличный трактир. Заказал вина.

И увидел за соседним столом тщедушную фигурку в куцем плащике...

Расслабился, называется...

* * *

Конан встал. Как мог, отряхнул мерзкую одежонку. Хотел сплюнуть, да во рту опять пересохло.

Он уже приблизительно знал, что и в какой последовательности собирается делать исходя из так вот резко и кардинально изменившихся

обстоятельств. Тот варвар, который не способен мгновенно перестроиться в соответствии с новой обстановкой, обычно очень недолго успевает прожить в горах Киммерии. И не оставляет после себя глупых и неприспособленных детей, могущих передать свою ущербность следующим поколениям. Горы — суровые воспитатели.

Но сначала он должен был завершить одно маленькое дельце...

* * *

Недалеко отошедший маг долго наблюдал за тем, как взбравшаяся на вершину холма тщедушная фигурка суетится вокруг огромного круглого камня, явно пытаясь столкнуть его под уклон. Холм был тот самый, на склоне которого вольготно расположилась такая гостеприимная харчевня.

Задумка вообще-то была хорошая.

Скатись этот камешек с откоса — и от хозяйственных пристроек трактира вряд ли что уцелеет, а при снисходительном взгляде кого-нибудь из многочисленных богов судьбы в сторону бедного варвара — может серьезно пострадать и само главное здание. Нет, что ни говори — задумано было неплохо.

Только вот исполнение оставляло желать лучшего.

Многое лучшего.

Конечно, в своем прежнем теле этот варвар справился бы, даже не вспотев. Одной левой, можно сказать, справился бы.

Но в том-то и дело, что тело его в данный момент скептически наблюдало за его глупой и бесполезной возней с вершиной соседнего холма. Предварительно, конечно, сделав себя невидимым — очень удобное заклинание, маг его еще в ранней молодости придумал, когда подглядывал за девушкиами. Потом стало лень тратить время на такую ерунду, да и девушки за это время свою привлекательность почему-то подрастирали, и за последнюю сотню зим он этим заклинанием не воспользовался ни разу. А вот, надо же — не забыл за столько лет, с первой же попытки получилось.

Конечно, он мог бы помочь этому глупому варвару. Одной левой.

Но — зачем?

Чем раньше этот глупый киммериец поймет нынешнее положение вещей и перестанет трепыхаться — тем ему же будет лучше. К тому же

воспоминания о подглядывании за девушками неожиданно оказались приятно волнующими. Маг опять ощущал почти забытое за давностью лет нечто. На этот раз, правда, выраженное в куда более решительной и почти что непрекаемой форме — молодому здоровому телу мало было одних мыслей, оно властно требовало немедленного воплощения их в жизнь. Потянувшись с хрустом, маг хмыкнул и подумал, что время ожидания окажется, похоже, куда лучше, чем он предполагал...

Отвернувшись, он решительно зашагал вниз с холма. На круглый камень и крохотную фигурку рядом с ним он больше уже не оглядывался.

* * *

Камень был огромен.

Камень был упрям.

Но варвар, которого может переупрямить какой-то там камень, очень недолго живет в киммерийских горах.

Здесь, вдалеке от породивших его гор, неведомо какими силами занесенный на холмистую границу бескрайней и ровной, как стол, степи, он был, пожалуй, самым упрямым и непрошибаемым существом. Или сущностью — Конан слабо разбирался в магических делах и вечно путал эти понятия. Достаточно просто того, что камень был.

Огромный, неприступный, побитый временем и поросший по низу зеленовато-серыми бородами многолетнего мха, он основательно расположился на вершине холма задолго до рождения не только самого Конана, но, пожалуй, что и его прадеда. И, со свойственным всем огромным камням упрямством, в ближайшее время совершенно не собирался покидать своего уютного лежбища. Упрямый был камень. Мощный.

Это — если рассматривать его отдельно, на фоне огромной и плоской, как стол, степи.

Но против киммерийских гор он был — так себе камешек.

Хиловатенький...

На катки пошла кстати подвернувшаяся на заднем дворе харчевни груда поленьев, приготовленная для очага — Конан видел как-то в пустыне, как при помощи таких вот катков тощие и мелкие рабы тягали огроменные монолиты для постройки каких-то совсем уж циклопических

сооружений. Вот те глыбы действительно потрясали воображение, а рабы были куда мельче и изможденнее Конана, даже в теперешнем его состоянии.

А еще те рабы применяли длинные прочные бревна с упором, наподобие качалок со смещенным центром. При помощи таких качалок, упираясь на длинную сторону верхнего бревна, даже слабый человек мог поднять огромную тяжесть. На чуть-чуть, но поднять. А нам много и не надо — только на катки столкнуть. Назывались эти чудо-качалки потешно — рррыгчаг. Наверное, потому, что, наваливаясь на бревно всем телом, рабы яростно рычали от усердия.

Конан тоже зарычал.

Не потому, что хотелось, а просто так, для порядка. С этой магией лучше быть осторожным. Мало ли — вдруг рычание является ее необходимым атрибутом и без него ничего не сработает?

Помогло рычание или нет, но камень не выдержал.

Сначала подался чуть-чуть, потом — сильнее. Качнулся. Тяжело повернулся, выворачиваясь из земли и оседая на застеленные скользким шелком катки. И начал свое неотвратимое скольжение вниз, поначалу медленное и плавное, но постепенно набирающее мощь и скорость.

Катиться ему оставалось не меньше минуты — холм был не маленький. Конан как раз успел на ходу смотать и сунуть обратно в заплечный мешок изрядно испачканный и местами даже порванный шелк и начать неторопливый спуск по дороге, когда снизу с той стороны холма до него донеслись треск, грохот и чьи-то вопли.

Но оборачиваться он тоже не стал.

Зачем?

— Ну и для чего мне может понадобиться такой никчемный работничек, как ты?

Нрагон, старший стражник одного из самых богатых на сегодняшний день шадизарских купцов, был явно раздосадован. И для досады у него имелись веские причины.

Он был хорошим старшим.

Может быть — даже самым лучшим во всем Шадизаре. Его подчиненные тоже были своеобразной элитой — подтянутые, дисциплинированные, преданные — как на подбор. Они не были случайными людьми, оказавшимися занятой одной работой — они были отрядом, причем отряду настоящих бойцов. Более пятнадцати зим они вместе с Нрагоном охраняли караваны, и за все это время в стычках с разбойниками потеряли всего трех человек. Чего тут было больше —

везения, правильного нрагоновского руководства или свирепой неукротимости самих охранников, об этом пусть судят другие. Самому же Нрагону было вполне достаточно того, что это — было. И что отряд его считался одним из лучших на всем караванном пути. Если не самым лучшим. И считался, заметьте, вполне заслуженно...

Они и на службу к внезапно разбогатевшему мелкому купчишке пять лет назад так и поступили — все вместе, целым отрядом. С возрастом, знаете ли, как-то тяжеловато становится спать на голой земле и питаться исключительно солониной да сухарями.

Они тогда не прогадали — купец, их новый хозяин, резко пошел в гору.

Тоже перестал сам мотаться с караванами, передоверив это дело приказчикам да младшим помощникам, приобрел парочку домишек на природе, с рабами и прочей необходимой живностью — для летнего отдыха, а в самом Шадизаре отстроил роскошнейший то ли дом, то ли настоящую крепость, с роскошным садом, и фонтанами. За пять прошедших зим штат его прислуго увеличился чуть ли не вдесятеро, появились в загородных домах и новые охранники — как же без них? Но к Нрагону и его подчиненным купец проявлял уважение, оставил в центральном, городском, доме, да и набора новых стражников от Нрагона не требовал.

На такое хозяйское уважение приходилось отвечать еще большим усердием да старательностью. Кому другому подобное могло бы оказаться и в тягость, но ребята у Нрагона были натасканные, понятливые и преданные. И со службой своей до недавнего времениправлялись вполне успешно.

Но это — до недавнего времени.

Словно слазил кто великолепную команду, словно какой-то из ненароком обойденных подношением мелких богов решил вдруг обидеться и всерьез напакостить. Когда позавчера один из опытнейших нрагоновских бойцов получил тяжелую травму в одной из бездумных и яростных кабацких драк, причем получил по глупой случайности, от вовсе даже и не ему предназначенного удара деревянной скамьей по голове, Нрагон даже не удивился. Он давно уже ожидал чего-то подобного. Все последнее время к этому и шло.

Конечно, отсутствие одного бойца не могло существенно ослабить отряд. Тем более — такой отряд, как у Нрагона. Печальное событие, кто спорит, но вовсе не повод для серьезных волнений.

Да только вот в том-то и дело, что другой стражник вот уже почти что полную луну залечивал ногу, сломанную во время неудачного падения. А

еще один нрагоновский подчиненный некоторое время тому назад отпросился на свадьбу. Знал бы Нрагон, что такая вот беда позавчера приключится — ни за что бы не отпустил. Ну и что, что свадьба эта, на которую он отпросился — его собственная? Настоящему воину не нужна обуза!

Отсутствие одного человека — ерунда. Двух — трудность, с которой еще можно как-то справиться.

Трех — катастрофа.

Ну, если и не катастрофа, то, во всяком случае — проблема, и проблема серьезная.

А возникающие перед ним проблемы Нрагон привык решать быстро и до конца. Особенно — серьезные.

Отряду требовались новые бойцы. Сильные, ловкие, знающие свое дело.

А, главное — молодые.

Что толку закрывать глаза на правду — с годами никто не становится здоровее и выносливее. Вот и среди нрагоновских вояк — спору нет, прекрасных вояк! — нет на сегодняшний день ни одного, не разменявшего четвертый десяток. Как минимум. А двое — так и вообще седые давно! Еще пара зим — и из них песок посыплется, никакие ежедневные тренировочные бои не помогут! Вот и у Хайя нога так долго срастается — зим десять назад, помнится, через неполную луну прыгал уже и на коне скакал вовсю, а перелом похуже был...

Женятся вот тоже.

Пока, правда, один только, да ведь это — как заразная болезнь! Стоит одному подхватить — и пиши пропало. Не остановишь без жестких мер. Вплоть до полного устранения источника заразы. Только вот как его устранишь? Совсем выгнать — так ведь не за что, боец хороший, и остальные не поймут, ворчать станут. А вот вернется он от молодой жены — глаза шальные, мышцы дряблые, морда счастливая... вот тут-то они все с цепи и сорвутся, к гадалке не ходить! Хорошо, если хотя бы третья отряда от злого поветрия спасти удастся!

А женатый человек — это уже не стражник. Не охранник. Он в первую очередь о жене начинает заботиться, о доме, о семье, о детишках. Такой еще трижды подумает, а стоит ли рисковать лишний раз за хозяйское добро? И еще, кстати, неизвестно, что в результате надумает!

Нет, что ни говори, а нужны отряду новые бойцы, молодые да ловкие. И о женитьбе по молодости лет не помышляющие. Хорошо бы, конечно, чтобы были они при этом еще и преданными, но преданность не

рождается на пустом месте, ее воспитывать надо, кропотливо и долго. Значит, для начала вполне можно ограничиться силой и молодостью. А там — видно будет.

Вчера, казалось, он договорился с одним таким.

Мохи в нем было на троих, да и ловкостью от отличался изрядной — непроверенный товар Нрагон и на базаре-то никогда не брал, не то, что на работе, а потому первым же делом устроил чужаку испытание. Чужак справился вполне успешно.

Немного смущало, правда, то обстоятельство, то был он варваром. А варвары из далеких диких гор, мощные и смертоносные, как горный обвал, как правило, оказываются точно так же и неуправляемы. Но Нрагон отбросил сомнения, справедливо рассудив, что хорошие деньги делают управляемыми всех. Он сказал чужаку «хорошо». А чужак сказал: «Приду». Насколько Нрагон знал кодекс чести этих варваров-киммерийцев, подобное простое слово с их стороны было порою куда весомее иной самой пылкой клятвы представителя любого другого народа. Пусть даже и клятвы, заверенной кровью.

И теперь вот уже третий час он маялся на солнцепеке в ожидании этого проклятущего варвара, понимая уже, что ждет он его напрасно. Варвар, похоже, нарушил сделку.

Редко, но случается.

Кто их, варваров этих, поймет?

Короче, причины досадовать у старшего стражника были вполне серьезные.

А тут еще этот вот...

На первый взгляд назойливый оборванец показался ему не слишком удачливым нищим или даже мелким базарным воришкой — больно уж шустрые ручки были у этого горе-попрошайки, слишком цепок был взгляд из-под грязных спутанных волос. Поначалу Нрагону показалось, что не достоин этот оборванный ничего, кроме мелкой монетки и брезгливой осторожности.

И только повнимательнее приглядевшись, Нрагон осознал свою ошибку.

Слишком гордая осанка была у этого оборванца, не бывает у простых уличных попрошайек такой осанки, выросшие на улице с раннего детства привыкают сутулиться и втягивать голову в плечи, стараясь сделаться как можно мельче и незаметнее. Да и лохмотья его, при более внимательном разглядывании, оказывались хоть и измазанными в грязи и изорванными до почти полной неузнаваемости, но отнюдь не дешевыми тряпками. Когда-

то, похоже, были эти лохмотья очень даже приличной одежонкой — на штанах до сих пор местами сохранилось золотое шитье. И были, если судить по укороченным полам драного плаща, совсем еще недавно — такие стали популярны среди молодых представителей местной знати совсем недавно, не больше зимы назад.

Да и просил этот оборвыйш не хлеба и даже не денег — он просил о немыслимом.

Он просил о зачислении в отряд.

Ни больше, ни меньше...

* * *

Времени изучить оборванца как следует и переменить свое первоначальное мнение у Нрагона было достаточно — высказав свою просьбу один раз, в самом начале, и получив сдобренный изрядной долей сарказма отказ, попрошайка не стал настаивать. Просто кивнул, словно ничего иного и не ожидал, и молча сел прямо на грязную землю городской улочки, утоптанную множеством ног до каменной твердости, всем своим видом демонстрируя готовность ждать пересмотру принятого Нрагоном решения. Нрагону очень хорошо было его видно из жалкой тени полотняного навеса, натянутого предприимчивым хозяином таверны над входом — для удобства посетителей, желающих выпить вина не в душном сумраке полуподвального помещения, а на относительно свежем воздухе.

Так он и сидел — вот уже три поворота клепсидры.

Неподвижно, на самом солнцепеке, ни разу не подняв руки даже для того, чтобы вытереть пот со лба или отмахнуться от вездесущих надоедливых мух.

Поначалу Нрагона забавляла эта его молчаливая неподвижная настойчивость. Но вода, лишь слегка разбавленная вином, кончилась уже давно, причем был это далеко не первый кувшин. И даже не пятый. А варвар все не шел. И росло раздражение.

А оборванец по-прежнему сидел, сложив на грязных коленях не менее грязные руки. Руки эти выглядели так, словно он совсем недавно зачем-то рыл ими землю — побитые, исцарапанные, со свежими ссадинами и черной грязью под обломанными ногтями. Но — тонкие длинные пальцы, но — аристократически узкие кисти, ошибочно принятые Нрагоном при

первом взгляде за профессиональную наработку опытного карманника. Не прост бродяжка. Ох, как не прост. Да и тряпка, что намотана у него в виде широкого пояса, тоже не очень проста...

Нрагон пригляделся внимательнее и мысленно ахнул.

Если его немало повидавшие глаза не обманывали и тягучий матовый блеск не был игрой перегретого полуденным солнцем воображения, то тряпка эта была самым настоящим шелком!

Это было уже слишком. Нрагон не выдержал.

Встал из-за столика и даже вышел на солнцепек, подойдя к оборванцу почти вплотную. С расстояния в два шага ошибиться было уже невозможно — на поясе у уличного бродяги было намотано целое состояние...

Парнишка наблюдал за ним из-под спутанной челки. Его взгляд был спокойным и уверенным. Даже, кажется, чуть-чуть ироничным, что уж вовсе ни в какие ворота не лезло. Этот взгляд все и решил — отойти обратно к столику или даже просто уйти, зная, что в спину тебе смотрят таким вот понимающим и чуть ироничным взглядом, оказалось делом невозможным. Оставалось лишь заговорить, словно именно для разговора с этим странным нищим встал он из-за своего столика и вышел на солнцепек.

Нрагон откашлялся и спросил, словно продолжая не законченный три часа назад разговор:

— Ну так и зачем же мне может понадобиться такой никчемный работничек, как ты? У меня не приют для скорбных разумом иувечных телом.

Бродяга ответил сразу — словно и не было большого перерыва в их беседе:

— Даже самым сильным стражникам может понадобиться служка для мелких дел.

Взгляд его по-прежнему оставался спокоен.

Нрагон задумался.

А что? Пожалуй, это был вполне приемлемый вариант. Сейчас зачислять его в отряд на правах полноценного бойца не только бессмысленно, но и просто опасно — и сам погибнет в первой же стычке, и товарищей подведет. Но годика через два или три, побегав с ребятами, да поднарастив на свои тонкие благородные кости немного простого и конкретного мяса и заматерев, он может оказаться очень даже и ничего. Бойцовская жилка в нем есть, это по взгляду видно, а то, каким путем оказался он на улице — в конце концов, это его личное дело. Пусть для начала поживет при кухне, пообыкнется, а там посмотрим. К тому же и

стряпуха жаловалась, что мальчишки-рабы мрут как мухи, рук вечно не хватает.

Оно, конечно, слишком взрослый он для такой работы... да и зазорно человеку свободному... но, с другой стороны — тем старательнее будет рваться в настоящие бойцы...

Нрагон принял решение.

— Ладно. Уболтал, языкастый! Я, пожалуй, действительно возьму тебя — конечно, не сразу в отряд. Это еще заслужить надо. Поживешь пока при кухне. Если хорошо себя проявишь — то задержишься там недолго...

* * *

— Эй, ты! Что, не видишь, что бадья уже полная?!

Рука у стряпухи была тяжелая. И то правда — поворочай-ка всю жизнь над очагом огромные целиком жарящиеся туши, попереворачивай сбоку на бок ежедневно все то, что купец со его товарищи употребить изволят на многочисленных трапезах, — и накачаешь руки такие, что любому кузнецу впору обзавидоваться.

Это была мысль — так, посторонняя. Непосредственно Конана то, что и как проходило через руки старшей поварихи, касалось мало. Куда больше его касалось то, что до этих рук не доходило, будучи еще на подходе отрезано, отсекано, удалено и вычищено многочисленным более мелкими личностями — как по возрасту, так и по значимости.

Мелкими — это по сравнению с главной стряпухой, конечно же, бабой габаритов огромных и злобности непомерной.

Если же сравнивать с тем положением, каковое ныне вынужден был занимать в здешней иерархии Конан, любой младший помощник распоследнего Отгонятеля Мух был достаточно важной персоной, чтобы не захотеть самому выносить помои.

А бадья и действительно была наполнена уже почти доверху — злобные мальчишки специально тянули до последнего, и теперь радостно хихикали из своего угла, глядя как пришлый будет корячиться, выволакивая огромную неповоротливую тяжесть на задний двор. Это была их вечная, но никогда не приедавшаяся шутка, и Конан сам бы мог догадаться об этой их задумке еще часа два назад и предотвратить веселье в зародыше, просто вынеся злополучную бадью вовремя.

Как он и поступил вчера, получив в награду с десяток словно бы случайный пинков и пару неслучайных и оттого еще более обидных плюх.

Конечно, на плюхи и пинки можно было бы и ответить. Кухонные мальчишки-рабы не были соперниками Конану даже и в его нынешнем состоянии. Даже в этом хлипком и ненадежном теле Конан один стоил десятка таких, как они.

Да только вот стряпуха еще в первый день сказала, угрожающе нависнув над Конаном огромной грудью и поводя вокруг налитыми кровью глазами, что драк она в своих владениях не потерпит. И зачинщик будет выкинут с позором и немедленно. И по лицу ее нетрудно было догадаться, кто именно будет признан этим самым зачинщиком — независимо от реального положения дел.

А быть выкинутым отсюда в планы на ближайшие дни у Конана как-то не входило.

Во всяком случае — пока.

* * *

Ворочая огромную бадью, Конан не торопился.

У неторопливости его имелись две причины, и обе — весьма увесистые. Первая из них была всем и каждому понятна — а куда, собственно, торопиться служке, выполняющему грязную и совершенно рабскую работу? Обратно на кухню, где ему немедленно найдут новую не менее приятную работенку, которую по той или иной причине не желает выполнять никто другой?

Ха!

Но у его неторопливости была и другая причина.

Гораздо более важная...

Выгребная яма находилась в самом дальнем углу заднего двора. Этот угол был образован двумя стенами. Одна из них — внешняя — была сплошной и массивной. Она сурово и неприступно вздымалась на высоту трех человеческих ростов, сложена была из массивных блоков серого песчаника и украшена сверху многочисленными острыми пиками для достойной встречи незваных гостей. Конан оценил бы ее неприступность как очень и очень, может быть, даже очень-очень-очень, и в одиночку штурмовать бы, пожалуй, что и не решился.

Вторая стена была попроще. Так себе, да и то с натяжечкой. Простенькая такая стеночка, для начинающих.

В смысле штурма, потому что назвать простенькой кладку, известную среди профессионалов под названием «каменная вуаль», не смог бы ни один хоть чуть-чуть разбирающийся в архитектуре человек.

Эта стена была внутренней, и потому от нее не требовалось неприступности, высоты и массивности. А вот ветропроницаемость по причине жаркого климата очень даже требовалась. И ажурная, похожая на кирпичное кружево кладка эту проницаемость обеспечивала вполне, заодно служа и некоей символической оградой, этаким напоминанием для «своих».

За кружевной стенкою был сад.

И выгребная яма в самом дальнем углу у этой стены — это пока что было самое близкое расстояние, на которое Конану удалось подобраться к находящейся где-то в этом саду цели.

Забраться по этой стеночке мог бы, пожалуй, даже слепой, глухой, безногий и однорукий калека. Забраться-то он бы смог. И даже в сад спуститься, пожалуй, сумел бы.

А что дальше?

Сквозь пустоты в кладке сад просматривался неплохо, разве что слегка фрагментарно. За три проведенных на кухне дня Конан успел изучить доступные кусочки с тщательностью какого-нибудь фанатика-садовника, и уже практически каждое дерево в этом саду знал, можно сказать, в лицо. В ствол, в ветви, в... ну, что там еще у деревьев имеется? Вот во все это он их и знал. Всех, которых смог разглядеть.

Да только вот нужного персикового дерева среди них он так и не обнаружил.

Ни одно из деревьев почему-то не окружала дополнительная цепь в три ряда, украшенная каким-нибудь четким и недвусмысленным указанием, что вот именно этот ствол с ветками и есть то самое искомое Персиковое Дерево. Ну, на худой конец — хотя бы чем-нибудь ну очень угрожающе-зловещим. Типа «Остановись, смертный!» или многозначительный и сам за себя говорящий череп предыдущего неудачливого похитителя на острой палке рядом. Ни одно из увиденных Конаном деревьев не охранял днем и ночью особо бдительный страж. И, что характерно — ни на одном из деревьев не висели, мерцая нездешним светом, два волшебных персики, по отсутствию которых так убивался несчастный принц Джамаль.

Впрочем, и страж, и персики в саду имелись. Только вот персики

почему-то предпочитали расти не парами, а большими скоплениями, склоняя своим обилием и тяжестью некоторые ветки чуть ли не до земли. Может, где-то среди них и присутствовало дерево всего лишь с двумя плодами, но оно совершенно терялось в общей массе более плодовитых соседей. Или же первоначальное предположение Конана было правильным, и за четыре прошедших луны да при хороших удобрениях и обильном поливе дерево это и само плодовитость свою существенно повысило, не желая от соседей этих самых отставать — кто их, эти волшебные растения, знает? Может, они тоже ревнивы к чужим успехам!

Но, как бы там ни было на самом деле, все сходилось к тому, что отсюда, из-за забора, Конан никак не мог определить заранее искомую цель. Возможно, пошастав по саду, он бы каким-то образом нужное и обнаружил, да только вот для проверки этого предположения ему необходимо было не только оказаться лично в этом самом саду, но еще и некоторое время там провести в полном и абсолютном одиночестве.

И вот тут-то как раз и начинались проблемы.

* * *

Потому что страж в саду все-таки был. Конан убедился в его наличии в первый же день. Огромный, грозный и жутко бдительный. Да и странным было бы, не окажись именно такого стража в том самом саду, в который выходили внутренние двери купеческого гарема.

Стражем оказался огромный, злой и бородатый выходец откуда-то из Черных королевств — судя по темной коже и курчавой шевелюре. Он периодически обходил сад и через отверстия в разделяющей дворик стене кидал мрачные взгляды на Конана, если тот оказывался поблизости. Дружелюбия и добрососедского отношения в этих взглядах отчего-то не замечалось.

Огромный звероподобный охранник всегда смотрел на Конана с такой мрачной ненавистью и видом столь угрожающим, что оставалось радоваться, что их разделяет пусть ажурная, но стена!

Однажды Конан не выдержал и перед уходом скрчил стражу страшную рожу. Зверообразный тип утробно зарычал, стукнул древком копья о землю и плонул ему вслед.

Мощно так плонул. От души.

Кого помельче — так и с ног таким плевком сбить недолго.

Причины возникновения внезапной ненависти к своей нынешней персоне у совершенно незнакомого человека Конан не понял. Да и не особо он над ней задумывался, над причиной этой — мало ли кому чего в голову взбредет? Над всякой чужой блажью башку ломать — так и вовсе ее сломать недолго! Больно нужно! А вот реакция собственного (пусть на непродолжительное время, но все-таки — собственного!) тела его неприятно удивила.

Тело испугалось.

До оторопи. До холодной испаринки. До острых мурашек вдоль позвоночника и позорной слабости в коленях.

Подобное предательство не могло не злить.

А больше всего злился он еще и от запоздалого осознания того, что на самом-то деле пугаться не было ни малейшей причины. Ведь ему совершенно ничего не угрожало. Ну ничегошеньки! Жуткий страж сада не станет лезть через стенку на задний двор, чтобы расправиться с каким-то мелким служкой, как бы он не был зол!

По всем понятиям выходило так, что Конан не просто испугался до слабости в коленках, но еще и испугался-то из-за какой-то ерунды. А точнее — из-за неверной оценки ситуации. А вот это уже было действительно скверно. А еще более скверным было то, что теперь тот звероподобный страж за ажурной оградкой уверен, что Конан его боится. И не без оснований уверен-то, вот что самое неприятное! Поскольку это мерзкое тельце, похоже, готово отпраздновать труса и при следующей встрече.

Это было неприятно.

* * *

Сейчас черный страж в саду отсутствовал, и Конан испытал чувство, близкое к облегчению. Нет, не то, чтобы он терзался угрызениями совести по поводу собственной трусости, но лишний раз встречаться с этим охранником желания у него как-то больше не возникало.

Впрочем, Конан об этом не задумывался. Для размышлений у него была тема поважнее.

— Ты молодец! — так сказал ему сегодня утром Нрагон, И даже

протянул руку, словно хотел то ли погладить по голове, то ли по плечу потрепать, но в последнюю минуту передумал.

Конан как раз таскал воду для большого чана. Нрагон наблюдал за ним какое-то время издалека. Потом подошел к колодцу.

— Ну что ж, — сказал он, — справляешься, как я посмотрю, неплохо. И стряпуха тебя хвалила. Так что считай, проверку ты прошел успешно и с завтрашнего дня можешь приступать к учебным боям. И шмотки свои, кстати, к ребятам перекинь, а то непорядок получится.

И ушел, довольный собой. Парнишка-то, вроде, действительно оказался ничего, а нехватка людей в отряде вынуждала торопиться.

Так что сегодня Конан ворочал бадью в последний раз. И последний же раз имел вполне законный повод находиться на заднем дворе, откуда до сада можно в буквальном смысле дотянуться рукой. С завтрашнего дня все усложнится. Путь к саду будет лежать или черезечно полную народом кухню, находиться на которой более у Конана не будет поводов, или же через личные купеческие помещения, находиться в которых поводов у него будет, пожалуй, еще меньше.

А, значит, что?

Правильно.

Катя пустую бадью обратно на кухню, Конан не оглядывался. Зачем?

Он уже принял решение.

* * *

Конан провел ладонью по стволу, для пущей уверенности даже ковырнул слегка ногтем, но ничего так и не произошло. Похоже на то, что и это дерево никакой магией не обладало. Как и все, ему предшествовавшие. Конан уже и со счета сбился, сколько он их за это невеликое время перешупал, с каждым последующим деревом чувствуя себя все более глупо. Хорошо, что темно и некому подсмотреть, чем это темной ночкой занимается в саду славный варвар из Киммерии.

Расскажи кому — потом проходу не будет он насмешек. Конан — и с деревьями обнимается, словно ополоумевший жрец-извращенец. А что делать прикажете, если темнота в этом саду такая, что можешь сколько угодно таращить глаза — все равно ничего не разглядишь?! Разве что получишь сучком прямо в этот самый глаз — вот тогда, пожалуй, можно

увидеть немало яркого и красочного.

Напоследок.

Луна появится еще не скоро, а звезды — они только выглядят ярко, света от них и нет почти.

Впрочем, то, что луны нет, имеет и свои плюсы. Конечно, Конану приходится пробираться от дерева к дереву практически наощупь, ничего не видя, но и самого Конана при этом увидеть тоже, хочется верить — невозможно. Бдительный страж вот уже дважды совершил обход сада, заставляя Конана замирать, сливаясь с очередным стволом в еще более тесном, чем обычно, объятии. Особой опасности он не представлял, потому как ходил с фонарем, а в результате видел за пределами жалкого освещенного пятачка еще меньше, чем Конан. К тому же ходил он шумно, сопел, чесался, наступал на сучки и даже порой бормотал что-то себе под нос. Короче, вел себя так, как ведут себя все стражники на рутинной и никому по большому счету не нужной, но тем не менее, обязательной работе. Он явно ничего не опасался и никакого вторжения на вверенную ему территорию не ожидал.

Правда, пару раз он останавливался, втыкал факел в землю, закрывал глаза и начинал принюхиваться. Конан в такие мгновения старался не дышать — он был наслышан об остром, почти зверином нюхе охотников из черных королевств. Но пока все обходилось. Понюхав ночной воздух, он подбирал факел и, успокоенный, шел себе дальше, продолжая что-то удовлетворенно бормотать в спутанную бороду. А Конан, переведя дух и выждав на всякий случай какое-то время, осторожно перемещался к следующему дереву. Деревьев в саду было немало...

Конан осторожно отвел тяжелую ветку — ароматное яблоко ткнулось прямо в лицо гладким холодным боком. Времени после ужина прошло уже порядочно и Конан, не долго думая, проверил на вкус так вовремя подвернувшийся фрукт. Вкус оказался вполне удовлетворительным.

И — никакого волшебства.

Даже на вкус. Обычное яблоко. Сладкое в меру, и даже с небольшой горчинкой. Может быть — сорт такой, а, может быть, какому-то червяку несколько ранее это яблоко тоже пришлось по вкусу. Вот он и горчит, слегка похрустывая на зубах в предсмертной червячной агонии.

Осторожно вытянув руку вперед, Конан сделал еще один беззвучный шаг. Показалось или нет, что непроглядная тьма словно бы стала еще непроясненнее?

Кончики пальцев вдруг на что-то наткнулись.

На что-то, что не было ни стволом, ни ветками, ни листвой — их

легкие невесомые ускользающие прикосновения Конан уже определял с полукасания. То, что сейчас подвернулось Конану под руку, было горячим живым и твердым, и даже на первое ощущение веяло от него какой-то враждебной незыблемой мощью.

Конан замер с бешено колотящимся сердцем, готовый к нападению неведомого врага. Врага огромного и непонятного, а от того еще более страшного. Если такой нападет — мало не покажется. В нынешних обстоятельствах не могло быть и речи о сражении на равных. Какое там сражение! Удрать бы по хорошему, оставив сопернику в качестве трофеев не слишком большие клочки собственной шкуры и сохранив в относительной целости руки и ноги — вот, пожалуй, лучший вариант на данный момент. Одна надежда, что противник, такой огромный и горячий, не понял, насколько слаб и одинок ночной нарушитель. Тогда он может и не рискнуть напасть в одиночку, начнет кричать, подымая тревогу и сзываю охранников. Вот тогда-то и может появиться шанс незаметненько смыться в поднявшейся суматохе. Маленький, правда, шансик и в меру дохленький, но другого-то и вообще не предвидится...

Конан замер на полусогнутых, готовый рвануться по первому же намеку на появление искомого шанса. Ну, или хотя бы тени намека.

А пока враг замер, прислушиваясь.

Даже дышать перестал. Ему явно не хотелось поднимать ложную тревогу и беспокоить охранников по пустякам. Похоже, он не был твердо уверен, действительно ли его только что потрогал кто-то живой, или же это были просто шутки заблудившегося среди листвы ночного ветра.

Не дышал и Конан. Он вообще боялся открыть рот, сердце так оглушительно билось о ребра, что его наверняка было слышно за десять шагов. Вот сейчас стражник услышит этот панический набат, вот сейчас удостоверится, что поднятая им тревога не будет ложной и никто не поднимет его на смех за излишнюю мнительность, вот сейчас наберет он в свои мощные легкие побольше воздуха и заорет...

Но враг почему-то медлил.

У Конана перед глазами поплыли желтые круги, легкие жгло огнем. Сердце колотилось уже не о ребра, а о стиснутые зубы — изнутри, бешеной барабанной дробью. Поняв, что терять все равно нечего, так и так он себя выдаст, если свалится в задушенном обмороке прямо под ноги ужасного врага, Конан со свистом втянул в горящие легкие сладкий и безумно вкусный ночной воздух. Подавился. Закашлялся, понимая уже, что упускает последний шанс удрать.

Враг не отреагировал.

Отдышавшись, Конан еще раз протянул вперед руку и уже спокойно ощупал горячее и твердое, показавшееся с перепугу живым.

Камень.

Гладко отполированный умелыми мастерами и нагретый дневным солнцем. Он даже не был горячим — так, скорее теплым. Просто у этого тельца, не смотря на весь его преувеличенно юный вид, по старииковскому обычаю постоянно мерзли его жалкие ручонки. Вот и показалось в первый момент ледяным пальцам, по контрасту, что камень этот горячий, а перепуганное сознаний услужливо дорисовало картинку — горячий, значит живой.

Просто теплый отполированный камень.

Странно.

Откуда взялся посреди купеческого сада этот камень? Конан вроде бы не видел днем никаких больших камней, хотя постарался изучить видимые через ажурную ограду фрагменты как можно подробнее...

Конан провел рукою по камню вверх. Наткнулся на узкий желобок шва. Ощупал второй камень — такой же гладко отшлифованный и теплый. Развел руки в стороны, пытаясь нащупать границу этих странных камней и понять, что же они собою представляют.

И нащупал резной край подоконного наличника. Это была вовсе не груда отполированных камней, непонятно как возникшая ночью посреди купеческого сада.

Это была стена дома.

В темноте он не заметил, что прошел уже весь сад, перешупав в нем каждое дерево, до самой задней стены купеческого серала. Больше в этой части сада деревьев не было.

Конан вздохнул.

* * *

Вообще-то он с самого начала подозревал, что не все с этим несложным на первый взгляд заданием окажется так уж просто. С несложными заданиями всегда так. Очевидно, имеется на это какой-то поганенький и непреложный закон природы.

Говорят тебе, допустим, с милой улыбочкой: «Ничего сложного! Просто сходи и принеси! А я тебе за это простое дельце недурно заплачу».

А потом оказывается, что сходить надо не куда-нибудь, а в затерянный городишко на другом краю пустыни, за двумя перевалами и одним ну очень большим болотом. Причем болотом и так-то пакостным, а в данное время года так и вообще непроходимым. А принести необходимо не какой-нибудь всеми забытый и никому не интересный пустячок, а невероятно ценный и весь из себя ужасно магический обсидиановый трон местного чародея. Причем принести в целости и сохранности, не поцарапав полировки и не повредив зачарованной резьбы подлокотников за время длительного и трудного обратного путешествия. Ну и всяческие там попутные мелочи, о которых даже не стоит упоминать в деловом разговоре. Вроде того, что с трона этого самого предварительно необходимо еще и стряхнуть тощую задницу его прежнего обладателя. Вместе со всеми прочими активно сопротивляющимися частями тела этого обладателя, разумеется. Каковой обладатель, кстати, являясь верховым местным правителем, властью в тех местах обладает нешуточной. И телохранителей у него вокруг трона обсидианового рассыпано — что блох вокруг активно чешущейся собаки.

И вот, допустим, прошел ты пустыню и горы. Надавал по мордасам парочке дюжин наиболее щустрых болотных тварей, перейдя самые топкие места по их спинам, как по живому мосту. Допустим.

Допустим, местный столичный городишко, больше похожий на вымершую деревню, ты тоже нашел. И дворец отыскал, если эти развалины — действительно дворец.

И вот, допустим, раскидал ты в живописных позах по всему дворцу вооруженную до зубов охрану — пусть отдохнут в тенечке от трудов праведных и о жизни подумают. Их, конечно, было довольно-таки много, но — допустим! И даже чародею местному, старичку весьма понятливому, объяснил ты уже популярно, в чем же именно он не прав. Доходчиво так объяснил. На пальцах, можно сказать. И допустим даже, что он тебя вроде бы как даже и понял.

И вот стоишь ты напротив вожделенного трона и начинаешь потихоньку понимать, что не все в этом мире так уж просто, как казалось тебе вплоть до этого момента. И что все, тобою до этого момента проделанное — это так, пустяки. Забава детская. Потому что вот он трон. Прямо перед тобою. И вовсе ничем он не напоминает резной стульчик, который сунул в заплечный мешок — и гуляй себе. Можно даже бегом.

Хороший такой трон.

Основательный.

Из цельного обсидианового куска любовно изготовленный и явно рассчитанный на магическую задницу повышенной упитанности. Кто бы

мог заподозрить сухонького старичка-чародея в таком пристрастии к гигантизму?! Или, может, он в молодости куда тучнее был, и лишь под старость усох?..

И вот стоишь ты напротив трона, мрачнея с каждым мгновением все более. Потому что трои этот не то чтобы совсем уж неподъемный... будь он совсем неподъемным — все оказалось бы куда проще. Никто не вправе требовать выполнения невыполнимого задания. И плюнул бы ты с досады, недобрым словом помянув шутника-заказчика, и пошел себе, более серьезные контракты искать. Или вернулся бы через пустыню, два перевала и болото и стребовал с шутника плату за юмор в тройном размере...

Но в том-то и дело, что трон этот не был совсем уж неподъемным!

Рослому варвару такую штуковину поднять вполне по силам. И даже какое-то время пронести — тоже вполне реальная вещь. Только вот в том-то и проблема, что нести его тебе предстоит вовсе не на соседнюю улицу.

Пустыня.

Два перевала.

И болото, раздосадованные обитатели которого ждут не дождутся твоего возвращения.

А самое скверное, что нести все-таки придется.

Потому что уговор — дело святое. А ты — варвар. Дикий варвар из диких гор. Ты не можешь взять обратно раз уже данное слово. Потому что, кроме этого слова, нет у тебя более ничего. И если оно потеряет ценность — жить тебе станет не на что. Да и незачем, наверное, если сам про себя будешь ты знать, что, дав однажды слово, не сдержал его, потому что это оказалось слишком трудно.

Конечно, не все данные слова можно сдержать. Бывают обстоятельства. Причины. Ситуации.

Только вот имя у всех этих причин, обстоятельств и ситуаций одно. Короткое такое имя. Имя, с обладателем которого не поспоришь.

Смерть.

Ты можешь не сдержать данного слова, если мертв. Только это может быть оправданием. Все остальные причины, обстоятельства и ситуации являются неуважительными.

А потому придется, кряхтя, взваливать эту штуковину на плечи и переть туда, куда заказчик приказать изволил. Через пустыню, два перевала и болото. И, кстати, пора бы тебе с этим делом поторапливаться, потому что понятливый старичок понятливым и все осознавшим, похоже, только притворялся. Оставленный в уголке без присмотра, он уже дожевывает свой кляп не по-стариковски острыми и крепкими зубами и вот-вот начнет

плеваться всякими нехорошими заклинаниями, а где-то под гулкими сводами огромных дворцовых залов уже начинают потихоньку шевелиться наиболее крепкие стражники...

* * *

Вот и сейчас Конан ощупывал деревья в этом саду, почти не надеясь на столь простое решение своих проблем. Так, для порядка и очистки совести. И с крохотной надеждой на самом краю сознания — а вдруг на этот раз все-таки повезет?!

Не повезло.

Что ж, этого и следовало ожидать.

Да и с какой стати купцу помещать драгоценное дерево практически на хозяйственных задворках своего сада? Почти что на заднем дворе, хоть и отделенном ажурной оградкой. Там, где любоваться уникальной диковинкой смогут разве что рабы при кухне и прочая человеческая мелочь. Правильно — незачем ему это делать.

Тем более, когда имеется у него прекрасный маленький садик во внутреннем дворике — буквально в трех шагах, всего лишь с противоположной стороны женской половины купеческого дома. Отличный такой садик с фонтанами, беседками и стигийскими радужными птицами, без которых купец, похоже, не мог обойтись не только за обедами и ужинами. Именно в том саду отдыхал он со своими женами и принимал почтенных гостей.

Во внутренний садик из сада хозяйственного вел узкий проход. Этакий коридор между внешней стеной, огораживающей все купеческие владения, и боковой стеной дома. Обе стены были глухие, а проход настолько узок, что два человека вряд ли смогли бы там разойтись. Этот проход даже днем напоминал пещеру, а пещеры Конан не любил почти что так же сильно и искренне, как не любил магов и змей. Может быть, потому, что пещеры очень часто служили обиталищем и тем и другим.

Конан вдруг обратил внимание, что уже некоторое время вполне отчетливо видит перед собой темный провал ведущего во внутренний сад прохода. Он чернел мрачной дырой в преисподнюю и казался еще темнее на фоне белых камней внешней стены, высеребренных лунным светом. Конан поднял голову.

Ну да.

Луна потихоньку вылезала над забором круглым раздутым пузом. Предутренний ветерок шелестел листвой — ночь давно перевалила через свою середину.

Следовало поторопиться. Конан поморщился и осторожно шагнул в проход.

На полшага, не более.

Потом с неменьшей осторожностью развернулся боком и уперся плечами в гладкие камни стены дома. Кладка внешней стены была грубее, камни не подвергались особой шлифовке, пальцы ног легко находили мелкие неровности. Упираясь плечами и ступнями ног в противоположные стены прохода, Конан легко вскарабкался вверх, почти под самую балку, ограничивающую плоскую крышу. И лишь тогда стал осторожно перемещаться в горизонтальном направлении, помогая себе широко раскинутыми по стене руками. Пожалуй, мелкость его нынешнего тела в данной ситуации оборачивалась преимуществом. В своем прежнем обличии ему бы пришлось тут передвигаться, скривившись в три погибели и упираясь носом в колени. А так — ничего, свободно даже. Знай, перебирай себе ногами.

* * *

Страшно довольный собой, Конан осторожно спустился и принял вертикальное положение. Затаившись в тени стен, он осматривал внутренний садик, залитый лунным светом, словно молоком. Беззвучно сложил губы для длинного и весьма эмоционального свиста.

И вот это у них называется «маленький внутренний садик»?!

Открывшееся Конану пространство больше напоминало живописную рощу без конца и края, чем крохотный дворик городского дома. Пусть даже и весьма зажиточного.

Две увитые плющом беседки. Меланхолично журчащие фонтаны. И, конечно же, деревья.

М-да... вот именно что деревья...

Деревья, деревья и еще раз деревья.

Кто бы подумать мог. Твердят все — «садик, садик!». А в этом садике заблудиться можно. На широкую ногу живет торговец, не мелочится. Если

драгоценность какая — то наверняка величиной с кулак, если уж сад — то самый большой в Шадизаре. И по размерам, и по количеству деревьев.

И, если исходить из уже сработавшего сегодня закона подлости — все эти деревья должны оказаться именно персиками.

Поголовно.

Вернее — покронно. Или что там у них наверху располагается?

Следовало поторопиться...

* * *

Ловушку он заметил в самый последний момент. В тот самый последний момент, когда она уже сработала, но цели своей еще не достигла.

Спасла его не сноровка воина и даже не варварское чутье.

Спас его маленький острый камешек, вовремя подвернувшийся под босую ногу.

Оцарапав подошву, Конан слегка отшатнулся, перенося вес на другую ногу и разворачивая корпус. В этот момент он и услышал свист рассекаемого острой медью воздуха. Что-то сверкнуло на уровне талии и холодком обдало обнаженную кожу живота — ради удобства и из-за жаркого климата Конан был в одной набедренной повязке.

Вертикальная секира.

Конан замер на одной ноге, настороженно прислушиваясь и обливаясь холодным потом. Не попадись ему под ногу камешек — и остался бы он до утра валяться во внутреннем садике. В качестве двух половинок остался бы. Одно утешение — кажется, эта секира была одноразовой. И ни о какой камень с размаху не дрязнулась, свистнула себе — и все. Висит себе, слегка покачиваясь на тугом ремне. А тихий свист, похоже, ничьего внимания не привлек.

Выждав пару минут, Конан рискнул опустить вторую ногу на землю и осторожно скользнул к ближайшему дереву. На первый взгляд дерево это было вполне обычным. В смысле — не магическим, потому что странно сформированная корона придавала ему вид совсем не обычный, более похожий на неряшлившую копну. С первого взгляда даже не удавалось определить, является ли это дерево персиком. Плодов, во всяком случае, видно не было. Требовалось уточнить.

Осторожно разведя длинные, плетями свисающие до самой земли ветки, Конан сделал шаг в затененное ими пространство — своеобразный живой шалаш у самого ствола. Один лишь маленький шаг. И сразу же понял свою ошибку.

Потому что босая нога его наступила на что-то теплое и гладкое.

И это что-то уже не было просто нагретым за день камнем...

Оно было живым и мягким, это что-то, и оно суматошно затрепыхалось под Конановской ногой, как может трепыхаться спросонья только человек, на которого неожиданно наступили.

Конан понял свою ошибку и одновременно с ужасающей ясностью осознал, что сейчас произойдет. Осознал за какую-то долю мгновения до рванувшегося наружу визга. И рухнул на трепыхающееся тельце всей своей массой, придавливая к земле, зажимая рукой раскрытый в беззвучном крике рот и не давая визгу вырваться.

Вернее, попытался.

Рухнуть, придавить, зажать и так далее. Не хватило веса и ширины ладони.

Оглушительный женский визг пробивался между слишком тонкими пальцами, а зубы так нетактично разбуженной девицы неожиданно сильно укусили руку, пытавшуюся преградить этому визгу путь. Сил удержать бьющееся тело не хватало, да и смысла в этом больше не было — даже сквозь пронзительный визг Конан слышал топот и крики в доме.

Вырвав пострадавшую руку из зубов, Конан рванулся к проходу, уже не думая о ловушках. Но запутался в каких-то женских тряпках, упал, снова вскочил, продираясь сквозь ветки так и норовившие живыми лианами опутать тело коварного монстра, до этого так умело прикидывающегося обычновенным деревом. Ветки царапали кожу, так и норовили ткнуть в глаза, а наиболее коварные мертвой хваткой вцепились в набедренную повязку. Конан рванулся изо всех сил. Ветхая ткань затрещала, пасуя перед варварской волей к свободе. Последние когтистые сучки царапнули голую спину и то, что пониже — и Конан вырвался из смертельных объятий дерева-убийцы.

Только для того, чтобы тут же попасть в гостеприимно распахнутые ему навстречу объятия стражников.

Их было четверо.

И каждый — вооружен.

* * *

Какое-то время Конан еще пытался сопротивляться. Разум никак не мог смириться с тем, что какие-то четверо несчастных стражников оказались вдруг непреодолимым препятствием. Четверо, ха! Да он в свое время и с четырьмя десятками вполне успешноправлялся. Попотеть, правда, пришлось, и руки на следующий день просто отваливались, но справился же! А тут — четверо. Всего-то. Пусть даже и вооруженных...

Его разум очень хорошо помнил прежние расклады и никак не хотел смиряться с налагаемыми времененным телом ограничениями.

Тут ему помогли стражники, парой убедительных тумаков доходчиво растолковав новое положение дел. Задыхаясь от удара под ложечку, Конан брезвально обвис. Его ноги почти не касались земли — по два дюжих молодчика с каждой стороны растянули его за руки. Это был грамотный прием — из такого положения практически невозможно вырваться. Кроме того все мысли пленника поневоле сосредотачиваются вокруг растянутых до хруста и пронизываемых острой болью плечевых суставов. Тут уж не до сопротивления. Да и после удара под дых не особо побегаешь.

Вблизи стражники казались еще огромней и куда страшней. Может быть, из-за молчаливой слаженности действий, присущей лишь истинным мастерам своего дела. Может быть, из-за провальной черноты тел, от которой лица становились неразличимы на фоне ночного неба, только сверкали порою ослепительно белые зубы да белки глаз. Они действительно оказались на одно лицо, все четверо стражей. Конан и под страхом немедленной смерти не смог бы определить, который из них тот, с кем они перебрасывались многозначительными взглядами через ажурную стенку. Впрочем, в нынешнем своем положении он не особо бы и хотел это знать.

С прежней синхронной и беззвучной слаженностью профессионалов они проволокли Конана в дом. Протащили по узким коридорам и коридорчикам, задрапированным разноцветными тканями. Мимо мелькали какие-то комнатенки, освещенные масляными лампами или лунным светом, перепуганные женские лица и снова — драпировки, пропахшие турецкими благовониями. Сам бы Конан давно заблудился бы в этом мягкому шелестящем лабиринте, но стражам — все нипочем. Прут себе вперед на хорошей скорости. Когда же охранники с прежней молчаливостью как-то по-особому торжественно раздвинули последнюю

занавеску, Конан понял, что его доставили к месту назначения.
И оказался прав.

* * *

Они стояли широким полукругом.

Очень грамотно стояли, охватывая и перекрывая нагло все помещение, но при этом на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не задеть рядом стоящего узкой кривой саблей в пылу возможной драки. Кроме сабель на вооружении у троих из них имелись очень неприятные колючие шары на цепочках, на севере называемыми «моргенштернами».

У одного был аркан.

Еще у двоих — сети.

Похоже, пленников тут предпочитают брать живьем.

Этому могло быть два объяснения. Одно — более приятное для потенциального пленника, другое — менее.

Приятное заключалось в образе жизни хозяина дома. Он же купец, а не воин. Это воин предпочитает видеть врага мертвым, а купцу мертвый человек неинтересен. Даже враг. Потому что мертвый не может принести прибыли. А живого, даже врага, всегда можно попытаться выгодно продать.

А Конан сейчас для купца даже и не враг. Так, зарвавшийся и проворовавшийся слуга. Убить, конечно, можно. Только невыгодно. Мертвый прибыли не приносит. Куда выгоднее наказать, поставить на тяжелые работы или продать в рабство. Все это давало некоторую отсрочку. А, значит, и надежду.

Менее приятное объяснение могло заключаться в том, что купец жесток по натуре и любит кровавые развлечения.

В этом случае Копана будут пытать. Может быть, чтобы узнать имена существующих лишь в воспаленном купеческом воображении сообщников. Может быть, просто потехи ради.

Впрочем, даже в этом случае некоторая надежда оставалась. Раз не убили сразу и на месте — мало ли как там что потом обернется? Главное — ждать и быть готовым.

— Что здесь происходит?

Этот сильный голос он узнал сразу. В ряду замерших настороженными истуканами воинов возникло легкое шевеление, двое, стоящие по центру,

слегка подались в стороны, а из-за их спин выступил сам Нрагон — собственной и весьма недовольной персоной.

— Да вот, — откликнулся кто-то, стоящий слева, за спиной, и потому остававшийся вне поля конановского зрения, — вора поймали. К сокровищам подбирался, да стражи заметили вовремя!

Гордые тем, что их похвалили охранники одновременно расправили могучие черные плечи, вздернув Конана за многострадальные руки так, что чуть ли не вывернули его наизнанку от излишнего усердия. В таком положении было невозможно не то что шевелиться, но и даже просто глубоко дышать. Конан повис на своих растянутых руках, как вывешенное на просушку тряпка...

Нрагон, сопя, подошел на пару шагов поближе

И узнал. Наконец.

— Ты?!!

Неверие, досада, негодование, огорчение, обида, подозрение. И снова — праведное негодование человека, обманутого в лучших своих чувствах. Кто бы мог подумать, что простое квадратное лицо начальника охраны способно выразить такую гамму внутренних переживаний!

Самое же неприятное заключалось в том, что возникшее в складках этого лица подозрение не спешило никуда уходить, легкой тенью прступая через все последующие эмоциональные напластования. Он все-таки был очень хорошим начальником охраны. Может быть — даже лучшим. И в данный момент он стремительно пролистывал в мозгу картинки предыдущих дней, пытаясь найти иное толкование для каждого конановского поступка и слова.

Такое толкование, которое сделало бы появление Конана здесь и сейчас результатом хорошо продуманного и тщательно составленного заранее плана.

И маленькие глазки его при этом впивались в Конана все более и более подозрительно — похоже, обнаружить целую кучу подобных толкований оказалось нетрудно.

Это означало пытки.

Скверно...

Стражам к этому времени уже надоело держать Конана практически на весу. А, может быть, у них просто устали руки и они решили их слегка опустить.

Вопреки ожиданиям, самому Конану от подобной перемены положения легче не стало — теперь он стоял в очень неустойчивой позе, выпятив грудь и живот и сильно откинувшись назад и вниз растянутыми

руками.

Чтобы продолжать смотреть Нрагону в глаза, приходилось до предела выворачивать голову. В позвоночнике при этом что-то весьма угрожающе похрустывало.

Конан попытался вздохнуть. Это оказалось ошибкой — нестерпимая боль в рвущихся связках вывернула его чуть ли не горизонтально, выгнув крутой дугой многострадальный позвоночник и практически поставив в акробатическую позу.

Нрагон задумчиво обозрел пленника и лицо его перекосилось еще больше. Маленькие глазки, сощурились, подозрительность в них постепенно уступила место брезгливому и неодобрительному сожалению.

— Эх, ты... — сказал он даже с некоторым оттенком горечи, — что ж ты так то?.. Зачем полез в гарем к достопочтенному хозяину этого дома, да пребудет на нем милость Митры. Неужели не мог какую-нибудь рабыню в углу завалить, ежели уж так припекло-то, а?..

Ни в каких коварных замыслах, простирающихся далее быстрого и тайного овладения прелестями какой-нибудь из купеческих жен, он, похоже, своего неудавшегося новобранца более не подозревал. Видя реакцию начальника, оцепившие помещение и оцепеневшие было в полной боевой готовности воины тоже слегка расслабились. На лицах у некоторых кровожадная бдительность даже уступила место живому интересу. Все-таки подобные ночные развлечения в скучной работе купеческого охранника — штука редкая.

— Так, это... — осмелился подать голос пожилой крепыш справа, нервно теребя цепь моргенштерна. — Надо бы хозяина... того-этого... ну, разбудить, что ли?

Голос у него был неуверенный.

Не глядя на него, Нрагон покачал головой. Сказал задумчиво и даже немного грустно:

— Зачем? Утром доложим. Не такое уж и важное событие, чтобы будить уважаемого человека, да продлят боги его годы, среди ночи. Сами разберемся и примем... меры.

Пожилой крепыш сглотнул, заметно бледнея. Да и среди остальных возникло легкое шевеление — не то, чтобы откровенно протестующее, но какое-то неодобрительное. Все-таки они были настоящими воинами, а не палачами, эти подчиненные Нрагону охранники. Воин способен легко и безо всяких колебаний убить врага в бою, но казнить пленного и безоружного — это уже совеем другое дело... Владелец моргенштерна стиснул пудовые кулаки, упрямо выдвинул квадратный подбородок и снова

подал голос, вложив в него всю долю возможного и дозволенного для хорошего служаки протеста:

— Казнить без приказания? Непорядок это...

Нрагон вскинул голову.

В демонстративном удивлении обвел своих ребят тяжелым взглядом. Спросил — вроде бы и ни у кого из них конкретно, а так, в пространство, но при этом каждому показалось, что вопрос задан именно ему:

— А кто тут вообще говорит о казни?!

Крепыш явно растерялся. Моргнул. Нахмурился. Потом заулыбался — ему показалось, что он правильно понял идею начальства:

— Вот и я говорю! Подождем до утра, пусть хозяин сам решает...

— Не будем мы ждать до утра со всякими пустяками. — Нрагон прервал его небрежно, словно от мухи отмахнулся. — Тут и решать-то в сущности нечего. Этот бродяга сам для себя все решил. Он очень хотел стать воином. Я ему это пообещал, а я не привык нарушать свои обещания. Что ж. Быть посему. Будет он воином... — Нрагон нехорошо усмехнулся, оскаливая желтые крепкие зубы. — Воином в гареме! Он же и туда очень хотел, вот мы и совместим оба желания... да и хозяин порадуется — он как раз на днях сетовал, что четверо евнухов уже неправляются с его разросшейся семьей... Ифрон, сходи, разбуди лекаря, пусть тащит все необходимое прямо сюда. Бран, попроси у служанок каких-нибудь чистых тряпок и что-нибудь ненужное — подстелить... Кирус, сгоняй на кухню, пусть поставят воду кипятиться, а потом — в подвал, за крепким вином, скажешь Мусталю — я послал... Когда хозяин проснется, он будет рад новому евнуху...

Нрагон все-таки был очень хорошим старшим стражником — все как-то сразу оказались им пристроены к делу или посланы с поручениями. На Конана он при этом не смотрел вообще. Да и остальные поглядывали лишь изредка, с жалостливым ужасом, а кое-кто — так даже и с искренним сочувствием. Похоже, мечтам о прелестях купеческих наложниц предавались среди подчиненных Нрагона многие и достаточно часто. А, может быть, и не только мечтам. И сейчас каждый из этих мечтателей с ужасом представлял на месте Конана себя.

А нехилый, однако, будет паскудному мажонку сюрпризик — потом, после обратного-то обмена телами...

Когда Конан засмеялся, они обернулись на него все, и даже на какой-то момент застыли, глядя с одинаковым ужасом и жалостью. Они были такими смешными в своем искреннем непонимании того, как можно смеяться над перспективой, которая для любого настоящего мужчины хуже

смерти, что Конан снова зашелся в приступе истеричного полузадушенного хихиканья — на настоящий полноценный смех уже не хватало дыханья. Так он и висел на вывернутых руках, задыхаясь и хохоча, а пожилой крепыш пробормотал понимающе:

— Бедный малый! Совсем рехнулся...

* * *

Боль.

Конан скакал по Серым Равнинам.

Он был гол, а лошадь под ним — давно мертва.

Один скелет. Отполированные временем кости, непонятно какой магией склепанные воедино и приведенные в движение. Пока скелет этот ворсে не думал рассыпаться на отдельные кости. Отнюдь! Он довольно шустро перебирал копытами по серым камням, мотал из стороны в сторону оскаленным черепом и даже иногда игриво взбрыкивал, дергая крестцом.

Вот эти-то игривые взбрыкивания и причиняли Конану самую сильную боль.

Вообще-то, скакать голышом даже на обычной лошади — удовольствие ниже среднего. А проделывать это на вертлявом конском скелете, способен разве что какой-нибудь пикт, наглотавшийся дурманящих грибов. Даже просто сидеть верхом на острых, костистых, да к тому же еще и находящихся в постоянном движении позвонках было очень больно. А тут и еще и куда большая неприятность подоспела, как ни берегся Конан, как ни стискивал бедрами лошадиный костяк, стараясь по возможности приподнять и тем уберечь от болезненных травм самые уязвимые свои места. Не помогло. При очередном прыжке игривого скелета случилось именно то, чего Конан со страхом ожидал с самого начала кошмарной скачки — его чресла защемило и прочно заклинило между двумя лошадиными ребрами.

Боль была неописуемой.

Конан весь моментально покрылся холодным потом. Ослабевший и задохнувшийся, он только каким-то чудом не свалился с коня.

А скелет, как ни в чем не бывало, продолжал себе скакать по бесцветной пустоши. Только теперь каждое его движение отдавалось в теле Конана вспышками ослепительной боли. Но долго выдержать ее

молча не смог бы даже и самый стойкий из киммерийских варваров. Будь он даже с рождения глухонемым.

Не смог и Конан. После очередного защемления он заорал — самым постыдным образом.

Странно, но от собственного крика сразу же стало легче.

А, может быть, и вовсе даже не от крика. А от холодных и влажных ладоней, что невесомо скользнули по лицу, стирая верхний слой боли, как усердная служанка стирает мокрой тряпкой паутину в темном углу.

Боль не исчезла, но стала вполне терпимой.

— Тихо, тихо... сейчас все пройдет.

Голос был женским.

Холодные ладошки скользнули по шее вниз, плавными волнобразными движениями погладили грудь, пробежались пальцами вдоль ребер. Руки тоже были женскими, но это не походило на любовную ласку — скорее, так опытный лютнист проводит перед работой настройку своего инструмента.

Конан открыл глаза.

* * *

— Вот и славно, — сказала сидящая рядом молоденькая девушка, почти девочка, и снова погладила прохладной узкой ладошкой Конана по груди. На коже осталось ощущение прохладной и влажной липкости. Девушка убрала руку, вытерла ладонь о тряпку — на той простили белесые следы. Одета незнакомка была в полупрозрачные расшифтованные шальвары и такую же короткую накидку, еле-еле закрывающую грудь. Да и украшений на ней было чересчур много, чтобы ее можно было спутать со служанкой.

— Они думают, что ты еще долго будешь без сознания, вот и приказали мне за тобой приглядывать. Они знают, что я умею лечить, но не знают, насколько хорошо. Тебе пока лучше отсюда не выходить — предполагается, что ты проваляешься в лихорадке еще несколько дней...

Конан сел — осторожно, боясь потревожить затаившуюся боль. Но та, похоже, возвращаться не собиралась, осталось лишь слабое саднящее жжение в промежности, словно сел причинным местом на не до конца остывшие угли и слегка обжегся.

— Я убрала боль, — сказала девушка, глядя на Конана со странной смесью смущения и интереса. — Я это умею. Не навсегда убрала, это опасно. Но — почти до утра. Этого должно хватить. А если нет, то можно будет еще раз попробовать...

Конан прислушался к себе. Больно действительно не было, легкое жжение не в счет. Но что-то подсказывало, что не стоит торопиться и снимать тугую холщовую повязку на бедрах — все равно ничего хорошего он под ней не обнаружит. Слишком уж спокойно вела себя незнакомка — так не ведут себя здешние красавицы в присутствии незнакомого голого мужчины.

Даже служанки.

А эта, если судить по количеству украшений и дорогой одежде, вряд ли таковой являлась. Ну, разве что купец от чрезмерного богатства совсем умом тронулся и набрал прислугу из молоденьких девиц исключительно знатных кровей. Но сейчас было кое-что, интересовавшее Конана куда больше вероятного положения незнакомки в этом доме вкупе с ее родословной.

— Где мой... хм?..

Голос поддавался с трудом, но она поняла.

— Пояс? Вот он! Я подшила завязки, они почти оторвались...

Конан ощупал пояс, оценивая потери. Нож, конечно же, отобрали. А вот все остальное, похоже, опасным или ценным не посчитали. Зря, между прочим...

— Долго... я... м-м?

Голос звучал хрипло, слова приходилось проталкивать сквозь шершавое горло с огромным трудом. Конан откашлялся, намереваясь повторить вопрос более членораздельно. Но девушка поняла и так.

— Долго. Почти весь день. Сейчас вечер уже, солнце скоро сядет. Я очень старалась, но у тебя была сильная лихорадка. Ее же не так просто убрать, как боль, понимаешь?

— А-га...

Вообще-то, Конан просто прочищал горло. Но получилось как-то очень уж многозначительно.

Девушка, во всяком случае, явно поняла это междометие как-то по-своему. И явно в не слишком одобрительном ключе. Она слегка смущилась, моргнула жалобно и стала выглядеть еще более виноватой. Показалось даже, что она готова заплакать.

— Извини. Исправлять такое я не умею... так, сделала, что смогла. Убрала лихорадку, рану застила... это нетрудно! Шрам какое-то время

будет сильно болеть, но это неправильная боль, там болеть уже нечему, просто так всегда бывает... понимаешь, когда отрезают руку или ногу... ну, или там еще что-нибудь... они потом еще долго продолжают болеть, словно их вовсе и не отрезали... Это неправильная боль...

И замолчала, шмыгнув носом.

— Ты — чародейка?

Девушка поморщилась и вся как-то съежилась. Отвела в сторону взгляд. Вид у нее сделался совсем жалкий.

— Немного, — похоже, собственные умения никакой особой радости ей не доставляли и предметом гордости вовсе не были. — Так, если заворожить что-то... или боль снять.

Понятно. Действительно, гордиться особо нечем. Среди природных чародеек подобный дар встречается сплошь и рядом. Это тебе не маститый колдун или боевой маг, обученный и натасканный по всем премудростям Темных культов. Простая необученная девчонка, хоть и с полезным в хозяйстве природным даром целительства. Разве что умелая — не всякой ворожейке под силу так быстро и качественно снять такую боль и полностью залечить свежую рану буквально за несколько поворотов клепсидры. Попади эта девочка в жены опытному и умному воину — цены бы ей не было. А в гареме оседлого купца ее талант никому не нужен. Кого ей тут врачевать? Других наложниц, расцарапавших из ревности друг другу мордашки? Или самого ненаглядного мужа и повелителя — от похмельных мук и мужского бессилия?..

Смешно.

— Благодарю.

Девушка пожала плечом. Странно, но она не выглядела обрадованной представившейся возможностью во всей моци проявить свое дарование. Даже просто довольной проделанной работой она и то не выглядела.

— Не за что.

Помолчала. Вздохнула. Сказала, не поднимая глаз, но очень решительно:

— Это было самое малое, что я могла... Это ведь я виновата. Если бы я не закричала тогда, ну, когда ты на меня наступил... ничего бы не случилось. Тебя бы просто не схватили, если бы я не закричала. Да наложит Затх печать на мои уста.

После этих слов она подняла глаза и уставилась на Конана чуть ли не с вызовом.

Конан моргнул.

Он явственно понимал, что от него ждут какой-то реакции, но никак

не мог сообразить — какой именно. И очень-очень боялся сказать или сделать что-нибудь не то — девушка, вроде, была неплохой, да и иметь на своей стороне хорошую ворожейку было бы на данный момент совсем не лишним. Девушка тоже молчала, глядя тревожно и пристально. Поняв, что обоюдное молчание затягивается и наполняется многозначительным смыслом, по сути своей, пожалуй, не менее оскорбительным, чем любой, пусть даже и самый неверный ответ, Конан выдавил неуверенно:

— Ну... бывает...

И постарался улыбнуться самой очаровательной улыбкой из арсенала трехсотлетнего мажонка.

Улыбочка вышла так себе — он совсем забыл про разбитые губы и выбитую в пылу ночной схватки пару зубов. Девушка нахмурилась. Спросила с жадным любопытством и недоверием:

— Ты что, действительно не хочешь меня покаратъ? Совсем-совсем?

На это Конан мог ответить уже безбоязненно. И даже, пожалуй, с долей праведного негодования.

— Нет.

Не объяснять же этой малолетней глупышке, что он вообще не бьет женщин. Даже если они того заслуживают. А уж тем более, если они такие молоденькие и хорошие... хм... ворожейки.

— И ты что — даже не будешь угрожать, что непременно убьешь меня — когда сможешь встать на ноги?

Вот же привязалась!

— Не буду.

Конану уже надоело разговаривать с этой странной девушкой. Чувствовал он себя неплохо и не собирался изображать из себя смертельно больного. Он попытался встать.

— Лежи!

Обеими ладошками девушка испуганно толкнула его в грудь — не поженски сильно, надо сказать, толкнула. Не ожидавший такого подвоха Конан рухнул обратно на лежанку. Он бы, наверное, возмутился подобным обращением, если бы на лице девушки в этот момент не было такого панического ужаса.

— Не вставай! Ты же должен быть болен, понимаешь?!! Очень-очень болен, иначе все пропало! Если тебе что-то нужно — я принесу! Только не вставай!

Голос ее снизился до быстрого шепота и тоже был страшно испуганным.

— Тебе что-нибудь надо? Я принесу! Только не вставай! Хочешь есть?

Или пить?

— Пить! — Буркнул Конан сквозь стиснутые зубы.

Вообще-то, пить он не хотел. Но если бы он ничего не попросил, она, пожалуй, еще долго перечисляла бы его предполагаемые желания, добираясь до самых неприличных подробностей. Которые он предпочел бы вообще не обсуждать с красивыми девушками. Или, может быть, очень даже и обсуждать как раз с красивыми девушками, но, желательно, наедине и в несколько более подходящих для этого условиях.

— Я принесу!

Девушка упорхнула за шелковую занавеску, служащую здешним аналогом двери. Конан остался лежать.

Вообще-то, сейчас было, наверное, самое подходящее время попытаться удрать. Пока странник сиделка убежала за питьем, а все остальные уверены, что он еще не оклемался. Если, конечно, верить словам этой девицы о том, что все действительно пока что в этом почему-то очень даже уверены.

Впрочем, верить этим словам, пожалуй, что и стоило — стражи за тряпочной дверью не было. Когда девушка, выходя, отдернула легкую ткань, Конан успел окинуть оценивающим взглядом довольно большой кусок двора, в который открывался дверной проем его нового обиталища. И в отсутствии бдительной стражи хотя бы на этом, близлежащем пространстве был уверен. Если потрясающие колдовские способности девушки — действительно тайна для обитателей купеческого дома, то в подобном пренебрежении есть своя логика. В самом деле — зачем бдительно охранять совершенно беспомощного пленника? Ведь при другом стечении обстоятельств он как и валялся бы в горячечном бреду и был совершенно не способен к побегу. Подобные операции — штука серьезная, это личный купеческий лекарь должен был объяснить даже самым малопонятливым. Если бы не искусные ладошки этой странной девушки — Конан бы еще долго скакал по Серым Равнинам с костяным капканом на чреслах, терзаемый ненастоящей болью, которая куда реальнее и сильнее любой самой что ни на есть настоящей.

А все не так уж и плохо...

Конан почувствовал, что разбитые губы растягивает злорадная улыбка. И мажонку коварному приятнейший подарочек обеспечен — надолго запомнит, как у порядочных варваров тела отбирать! И вожделенный сад — вот он, за шелковой тряпочкой, можно сказать, только руку протяни! Причем находиться в этом самом саду* будет теперь Конан на вполне законных основаниях, ни от кого не прячась и ничего не опасаясь — это ли

не мечта любого вора?! Ходи себе гордо по дорожкам, щупай деревья, сколько влезет! Вот прямо сегодня ночью можно будет и заняться, чего тянуть-то? А, может, и вообще не придется лазать по саду. Девушка эта вот, вроде совсем и не против поболтать. Поболтать — это все женщины любят, независимо от возраста. А эта, похоже, еще и очень одинока, и поговорить ей толком не с кем — вряд ли кто здесь владеет ее родным наречием, Конан и сам понимает через слово, слишком уж непривычное произношение. Ежели ее расспросить с умом, она выложит все что нужно. Вряд ли купец прячет свои сокровища от собственных жен и наложниц. А женщина — она как птичка-трещотка, все выболтает, если иметь терпение и не мешать ей говорить. Может быть, тоже захочет похвастаться и даже за ручку сама отведет и покажет, чтобы знал новый евнух, какие в их саду чудеса водятся, и сам бы тоже гордости преисполнился...

Впрочем, девочка то непростая...

По возрасту она больше подходит в наложницы, чем в законные жены. Но количество увешавших ее побрякушек такую версию, пожалуй, опровергает. Да и не потерпит ни одна законная жёна, чтобы у какой-то там наложницы золота и драгоценностей на теле брякало больше, чем у нее самой. Так что, скорее всего, девушка эта — именно жена. Причем — недавняя. И возраст слишком юный — даже в Черных Королевствах не выдают замуж девочек до первой крови. Девочке же этой никак не может быть больше пятнадцати, скорее даже — меньше, стало быть, никак не могла провести она в замужестве более одной зимы. Скорее, счет тут идет на луны — на женской половине трудно долго сохранять секреты, а ей, похоже, это пока что удавалось таить от всех уникальную силу своего дара. Да и явно чужой она пока что себя здесь чувствовала, и язык местный еще совсем не освоила — вон как обрадовалась тому, кто ее хоть как-то, да понимает. А подобное ощущение чуждости и неприятия нового места редко длится более полугода, даже у взрослых мужчин — Конан отлично помнил это по поведению новобранцев, еще в бытность свою вольным наемником. Юные же девушки, с рождения усвоившие и радостно принимающие свою грядущую роль, привыкают еще быстрее. Раз эта еще не привыкла — значит, она тут новенькая.

А новенькие, да при муже в годах, да так щедро увешанные драгоценными подарками...

Не просто новенькая и молоденькая жена.

Жена любимая...

Высокий статус. Можно сказать — высочайший из возможных для женщины — во всяком случае, здесь. Для столь юного возраста — есть чем

гордиться.

Вот только не похоже что-то, чтобы гордилась она.

Да и не посылают любимых жен возиться с осколленными рабами. Другие слуги для этого имеются. Или служанки, если больной валяется на женской половине, куда заказан вход полноценным мужчинам. На худой конец, можно и кому-то из наложниц поручить, пусть хотя бы разок займется чем-нибудь полезным.

Для жены же, тем более — любимой, подобное поручение может означать только одно.

Наказание.

Только вот интересно — за что?..

— Я принесла!

Занавеска качнулась, впуская прекрасную незнакомку. В руках она держала странный узкогорлый кувшин, к носику которого была прикреплена гибкая трубочка. Вместо крышки с горльшком странного кувшина свешивалась кожаная груша. Видя недоумение Конана, девушка хихикнула.

— Это специальная поилка, для лежачих. Ну, которые совсем без соображения и не могут сами даже пить. Вот, смотри!

Она поставила кувшин на лежанку рядом с Конаном, ловко заправила свободный конец трубочки ему в рот и ладошкой надавила на кожаную грушу. В рот Конану моментально хлынуло что-то кисло-сладкое и густое. Конан не успел сразу все проглотить, поперхнулся, закашлялся, разбрзгивая вокруг густую липкую дрянь. Девушка отшатнулась, явно испуганная. Глаза ее стали огромными, лицо перекосилось.

Ну и гад этот купец. Совсем затравил несчастную девчонку — собственной тени боится.

Конан снова откинулся на подушки. Улыбнулся, стараясь не размыкать опухших губ.

— Тряпка найдется? Обтереться...

Девушка быстро закивала, метнулась в угол, вернулась с куском ткани и, неуверенно улыбаясь, стала обтирать Конану лицо. Какое-то время тот терпел, потом мягко, но решительно отобрал тряпку и продолжил обтирание самостоятельно. Кроме свежих капель, желтых и липких, на груди у него обнаружились и другие, уже слегка подсохшие. Не менее липкие, но какого-то мутновато-белесого цвета, расположенные параллельными полосками, словно какой-то смазанный рисунок. Когда Конан попытался стереть заодно и их, девушка остановила его руку:

— Не надо! Это — лечебное. Сотрешь — боль вернется.

Конан поспешил отдернуть руку. Проверять, не пошутила ли его новая знакомая, ему почему-то совсем не хотелось.

— Уже немного осталось, — сказала девушка. — Солнце почти зашло, а здесь темнеет быстро. Раз — и совсем-совсем ночь. Не то, что в горах...

— Ты родилась в горах?

— Наверное. — Девушка пожала плечами, усмехнулась. — Кто может точно сказать, где родился? Я вот, например, не помню своего рождения. Да и ты вряд ли помнишь.

Конан хмыкнул.

— Родители помнят.

Улыбка девушки стала грустной.

— Родители... Наверное. Я не помню своих родителей. Бабку вот помню, она меня боль заговаривать учила... а родителей — нет. И, сколько себя помню, всегда вокруг нас были горы...

М-да... похоже, про родителей — это была не самая удачная тема. Какое у нее лицо открытое, все эмоции словно написаны крупными рунами, да и глазки опять на мокром месте... Чем бы ее отвлечь?..

Конан откашлялся, лихорадочно соображая, какая из тем может оказаться наиболее нейтральной и вместе с тем достаточно интересной.

— А ночь тебе зачем? Тоже для какого-то колдовства?

Пару секунд она смотрела непонимающе. Потом улыбнулась — снисходительно, как улыбаются взрослый непонятливому ребенку.

— Не мне. Тебе! Когда станет совсем темно и все уснут — я помогу тебе бежать!

* * *

Вот это да... Конан приподнялся на локтях.

— Это будет совсем несложно, я все продумала. Сегодня с вечера дежурит Мбонго, он хороший! Я ему помогла недавно, у него зуб ужасно болел, все лицо распухло, представляешь?! А все только смеялись над ним. А лекарь отказался мараться о евнухов. Злые здесь все. В горах люди лучше. Попробовала бы моя бабка сказать кому-то такое! Ха! Потом бы долго собирала свои старые кости по всему склону! Нет, в горах люди добре. Я вылечила его, а меня за это наказали... А Мбонго — он хороший, он отвернется. В саду нет ловушек, только у самой стены растут сонные

лианы, они цветут по ночам, стоит их пыльце попасть на кожу — и моментально засыпаешь. Но тебе ведь не к стене надо, а к проходу на задний двор, туда я тебя доведу.

Продолжая говорить, девушки ни на секунду не оставалась на месте — ходила по комнате, складывала что-то, увязывала, снова перекладывала. Зажгла масляную лампу — в комнате стало уже совсем темно. У Конана закружила голова от ее непрестанного движения. Знакомые слова, произносимые с непривычными интонациями, кружились стремительной каруселью, запутывали смысл, ускользали от понимания. Он замотал головой по подушке:

— Подожди! Не так быстро... Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем бежать? И зачем — именно сегодня?

На какую-то секунду девушка замерла. Обернулась, наклонилась к Конану, пристально вглядилась в его лицо — растерянно и с каким-то непонятным отчаянием:

— Ты что — действительно хочешь остаться здесь на всю жизнь?!

Конан отвел глаза. Вратить ему почему-то не хотелось.

— Нет.

Она облегченно выдохнула. Буркнула что-то неразборчивое — во всяком случае, Конан предпочел не особо вслушиваться, понимая, что вряд ли услышит что-нибудь лестное о собственной особе.

— Вот и хорошо. Я помогу тебе убежать. Сегодня ночью. А ты... ты поможешь мне.

* * *

— Убежать?

Она поколебалась какое-то время, словно всерьез обдумывая эту возможность. Но потом качнула головой. Вздохнула.

— Нет. Мбонго — хороший человек. Было бы нехорошо требовать от него такого. Если сбежишь ты — это не так страшно. Ты ведь странный. Непонятный чужак. Никому не известно, чего от тебя можно ждать. Непонятно, как пришел, непонятно, как ушел. Накажут, конечно, но не сильно...

Она опять вздохнула.

— А вот если сбегу я — его убьют...

— Тогда чем же я могу тебе помочь?

Она какое-то время молчала. Словно сейчас, когда уже подошла к последней грани и выбора, в сущности, давно не оставалось, все равно никак не могла решиться и сделать последний шаг. Конан тоже молчал, зная, что торопить в таких ситуациях бесполезно — человек должен решиться сам. Или отступить. Но тоже — сам.

— Ты ведь хотел стать бойцом, правда? — спросила она наконец, решив начать издалека. Осторожно спросила. Добавила еще осторожнее: — Наемником?

Если уж начал не врать — то не ври до конца. Может, и сработает.

— Я был наемником.

Ее глаза вспыхнули восторженным торжеством, речь стала стремительной и почти бессвязной:

— Я так и знала! Я сразу поняла, у тебя такое лицо, что ты не мог оказаться просто бродягой и нищим, как говорил этот тупица Нрагон! Ты, правда, совсем не похож на горца, но ведь не только в горах бывают хорошие люди, правда? Ой, прости, что я такое несу, не обращай внимания, просто я так долго ждала, что уже почти перестала верить... Я просила Подателя Жизни о милости, просила всех богов, которых знала. Здесь свои боги, страшные — Бог-паук Затх. Но его я тоже просила. Мне порою казалось, что все это бессмысленно, здесь ведь почти не бывает мужчин, только эта жирная жаба и его мерзкие гости, но я все равно просила. Каждый день, от рассвета и до заката, и ночью тоже, всем богам, которых только могла вспомнить! Хоть кто-то из них — да должен же был услышать, в конце-то концов?!.. Не все же они глухие!!! И вот видишь — я оказалась права! Кто-то из них услышал меня...

Она запнулась на секунду, перевести дыхание, расплылась в восторженной улыбке и добавила торжественно, словно итог подвела:

— И они послали мне тебя!

Конан опешил от этой страстной речи настолько, что даже сесть толком не смог.

— Эй! А я-то тут при чем?

— Как это при чем? Я же о тебе и просила, разве ты не понял? Вот они мне тебя и послали!

Конан таки сел. Голова кружилась — то ли от ароматического масла в светильнике, то ли от полной бредовости всего происходящего.

— Еще вчера ты меня знать не знала!

Девушка немного смущалась. Но — совсем немного. И ненадолго.

— Ну, я, конечно, не именно о тебе просила... Я просто просила их послать мне честного и храброго воина.

Она смотрела на Конана и улыбалась, явно довольная и не находящая в своей жуткой логике ни малейших изъянов. Тонкий пальчик уперся Конану в грудь, улыбка стала торжествующей:

— И вот он — ты!

Конан закашлялся, на своем опыте убеждаясь, что некоторыми комплиментами можно подавиться. Отдышаться ему не дали — на живот Конану шлепнулся довольно увесистый позывкающий узел. Из узла торчали какие-то остренькие побрякушки, царапали кожу. Конан нахмурился. Он уже заранее понял, что именно обнаружит в этом узле, но все-таки протянул руку и развернулся не слишком туго завязанную шелковую тряпку.

Так и есть.

— Я не очень хорошо разбираюсь в рыночных ценах... Но здесь довольно много, думаю, должно хватить.

Конан поднял голову и осмотрел девушку. Особенно внимательно — шею, уши и руки. Ну да. Что и требовалось доказать.

Во время своих хаотичных перемещений по комнате она умудрилась как-то незаметно поснимать с себя все украшения — это именно они теперь побрякивали в узле, царапая конановский живот.

— Я хочу тебя нанять, — сказала девушка просто, — ты же наемник, правда?

* * *

— Ты — наемник. Ты работаешь за деньги. Денег у меня нет. Но есть золото. И драгоценности. Это задаток. А если ты выполнишь работу и поможешь мне — то будут и деньги. Много денег. Очень много, в десять раз больше, чем это. Ты ведь согласишься, правда?

Она старалась говорить уверенно, но на лице уже снова мелькала тень отчаяния.

Конан взвесил на ладони завернутые в тряпку украшения. Купец, похоже, хоть и сволочь, но сволочь щедрая. Во всяком случае — к своей последней жене. Перекупщик заберет себе львиную долю, как у них водится, но все равно останется немало. На пару-тройку лун безбедной

жизни, если не слишком шиковать... Но, по сравнению с тем, что было обещано юным Джамалем за возвращение своего вожделенного дерева — так, мелочь, разговора не стоящая.

Он уже принял решение. Практически сразу, еще до того, как она начала, говорить, как только почувствовал кожей живота острые шпильки сережек или какой другой женской дребедени. Но оглашать свое решение не торопился — пусть девочка поверит, что он, как настоящий серьезный наемник, сначала должен все как следует обдумать и взвесить.

— И что я должен буду сделать?

— За то, что дала тебе я, совсем немного. Просто отправить свиток с караваном, идущим в Туран. В караван-сарае нужно подкупить погонщика — он доставит свиток по адресу. А если рискнешь и дождешься ответа — тебе заплатят больше. Просто за то, что ты расскажешь про меня. Намного больше...

Конан еле заметно поморщился. Да что она заладила — намного, намного?! На самом, что ли, деле, совсем не умеет считать?..

— И кто же мне заплатит? — спросил, затягивая узел и опуская его себе под левую руку. Красноречивый такой жест, не отказываюсь, мол, но пока что еще и не соглашаюсь. — Бабка, живущая в пещере?

Он постарался сказать это помягче, боясь, что любая попытка пошутить в данной ситуации будет расценена как презрение и высокомерие. Так и вышло — девочка шутку не приняла, поморщилась досадливо:

— Нет, конечно. Тебе заплатит мой муж.

* * *

А в том, чтобы вести подобные переговоры лежа, оказывается, есть и свои преимущества. Тебе, например, не грозит отбить задницу, не слишком удачно приземлившись ею на пол после подобного ответа.

И ведь не врет, вот что самое ужасное! С таким лицом врать нельзя. Действительно свято верит, что муж хорошо заплатит беглому евнуху из собственного гарема за то, что тот передаст неизвестно кому весточку от него не слишком-то, похоже, верной жены. И как это ей удалось вырасти в горах и даже дожить до своих (сколько ей там?) лет — с этакой-то наивностью? А, может быть, не наивная, а просто больная? Красивая юная

дурочка, которую умная бабка-ведьма постаралась поскорее сбыть с рук, пока заезжий купец не разобрался. Впрочем, купцу могло быть и все равно. Зачем красивой жене быть еще и умной? Лишнее это. Так что тут, скорее, наоборот все было — за умственную неполноценность невесты хитрая бабка наверняка содрала с купца пару лишних монет...

Больным лучше не возражать.

— А-га. Я понял. Ты мне поможешь бежать. Я передам свиток. Купец мне заплатит.

Кажется, ему не удалось произнести это с достаточно серьезным лицом. Во всяком случае, девушка покосилась как-то странно, в великолепном презрении сморщила хорошенъкий носик:

— При чем тут эта жирная жаба?! Тебе заплатит мой муж!

* * *

— Мой муж меня очень любит! Он очень важный господин. И очень богатый! Он меня не бросал, я знаю, я бы почувствовала, он меня еще любит, а если так — значит, он все еще мой муж, что бы там не квакали разные жирные жабы! Он не продавал меня, жаба врет! Меня украли!

Она умудрялась говорить очень тихо, почти шепотом, но при этом как-то так создавалось впечатление, что она почти кричит. А купец-то, похоже, не брезгует краденым! Тут — деревце, там — жену, в большом хозяйстве все пригодится. Интересно — он и по молодости был таким же... рачительным? Или это с возрастом пришло?..

Кстати, о персиках...

— Ты сад хорошо знаешь?

Девушка непонимающе моргнула, и он уточнил:

— Волшебных деревьев в саду много?

Она пожала плечами, теряя интерес:

— Есть несколько, они у северной стены, там ограда специальная.

Несмотря на ее собственную колдовскую природу — а, может быть, именно благодаря ей, — волшебные деревья девушку не интересовали совершенно. Ну что ж. Северная стена — это уже неплохо. Тем более, что имеется специальная ограда, что существенно облегчает поиски. Будем надеяться, что персиковых деревьев там не слишком много.

В идеале — одно...

Девушка тем временем отдернула занавеску и, высунувшись в непроглядную черноту ночного дворика, долго во что-то всматривалась. Похоже, углядела-таки что-то, поскольку кивнула удовлетворенно и, обернувшись к Конану, прижала пальцы к губам и протараторила шепотом:

— Пора-пора! Только тише! Ну что ты возишься, быстрее давай!

Она задула масляную лампу и буквально вытолкнула Конана из крохотной комнатушки — тот едва не грохнулся, споткнувшись о ступеньку, — и тем самым чуть не сорвал секретный план в самом начале. В узле, которым он зацепился за край стены, что-то предательски звякнуло.

Конан позволял девушке тащить себя через какие-то заросли. У него было собственное мнение о том, как следует действовать. И это несколько отличалось от предложенного девушкой. Но на первом этапе они совпадали, так что чего суетиться заранее? К тому же он был слишком занят, отводя от лица так и норовившие выколоть глаза ветки. Луны еще не было, и темнота под кронами сада стояла непроглядная.

Наконец они вышли на открытую место. Он по-прежнему почти ничего не видел, но понял это по тому, что ветки больше не лезли в лицо и потянуло свежестью. Впрочем, то ли глаза потихоньку привыкали, то ли действительно стало чуть посветлее, но он уже почти что различал впереди смутную каменную кладку боковой стены дома.

Внезапно девушка остановилась. Конан по инерции сделал еще пару шагов и тоже остановился.

Конан напряг глаза и в темноте впереди разглядел еще более черное вертикальное пятно прохода. Внезапно от большого темного пятна отделилось пятно поменьше и двинулось к ним навстречу. Девушка шагнула вперед, сделав Конану знак оставаться на месте. Они встретились на полпути, два смутных пятна — темное и светлое. Может, они и говорили о чем-то — Конан не слышал за журчанием фонтана. Потом светлое пятно заспешило обратно, Конан двинулся было навстречу, но девушка скользнула мимо, бросив только:

— Подожди, я сейчас!

Конан пожал плечами. Сделал еще пару шагов вперед. Мбонго — если, конечно, это был он, — теперь находился совсем рядом. Похоже, все-таки именно Мбонго, потому что стоял он не шевелясь, старательно отвернувшись к внешней стене и разглядывая на ней что-то, видимое лишь ему одному.

Конан встал рядом, глядя в сторону с той же старательностью. Помолчал. Потом сказал, словно бы ни к кому и не обращаясь: Жалко девочку... Он не знал, сработает ли. Он вообще не знал, понимает ли его

этот самый Мбонго — может, тот вообще не знает заморийского наречия. Но уж киммерийского или аквилонского он не знает точно, а пытаться выудить из глубин памяти что-либо напоминающее пару слов на языке Черных Королевств Конан не рискнул — могло получиться что-то совсем непотребное. В конце концов, всегда остается второй вариант.

Хотя, конечно, хотелось бы обойтись без лишнего шума, поскольку потом предстоит сюда еще возвращаться — девушка может себе думать что угодно о ценности своих побрякушек, но покидать гарем насовсем без вожделенного и хорошо оплачиваемого дерева Конан не имел ни малейшего намерения.

Показалось или нет, что огромная черная спина слегка шевельнулась?..

Конан затаил дыхание. Повторил — так же, в пространство:

— Девочка-то хорошая...

Не показалось — Мбонго опять шевельнул огромными плечами, словно выточенными из черного базальта. Вздохнул.

Он — понимал.

Не только местное наречие. Местные неписанные правила — тоже.

Это молоденькая глупенькая девочка, с местными обычаями знакомая мало и даже горцев считающая хорошими, может не понять, как отреагирует здешний муж и хозяин на внезапное таинственное исчезновение у строптивой жены всех подаренных им драгоценностей. Совпавшее, к тому же, с не менее таинственным исчезновением доверенного ее попечению и вроде бы, больного слуги. Вряд ли этот купец добился бы своего положения, не умей он шевелить мозгами, а уж сопоставить эти факты сумел бы и самый последний глупец...

Мбонго повернулся к Конану лицом — медленно так повернулся, словно действительно был каменным истуканом, оживленным неведомой колдовскою силой. Помолчал, глядя сверху вниз — на черном провале лица жутковато светились белки. Внезапно резко повернул голову в сторону — из темноты беззвучно вынырнула запыхавшаяся девушка, прижимавшая к груди обеими руками какой-то светлый то ли тюк, то ли ворох непонятных тряпок.

— Вот! Я принесла! Подойдет? Это нам дали делать занавески для главного зала, но пока еще не разрезали! Он длинный, два моих роста! Подойдет?..

Она отпустила одну руку, и ворох развернулся по земле длинной широкой лентой скользкого шелка. На какое-то мгновение Конан оглох — так сильно ударила в голову кровь, словно пудовым кулаком уличного

бойца, да прямо по уху. Он узнал этот шелк с первого же взгляда. У славного Мбонго на эту ночь, похоже, был свой собственный план, и шелковой тряпке в этом плане отводилась не последняя роль.

Таких совпадений не бывает.

Похоже, кто-то на небесах вдруг непонятно с чего заинтересовался копошащимися на земле червяками и решил вмешаться. То ли действительно захотел из одному ему понятных соображений помочь, то ли просто наскучил людской нерасторопностью и решил слегка подтолкнуть, запланировав все именно на эту ночь. Как бы то ни было, тормозить и сомневаться в подобной ситуации не стоило, поскольку подобное поведение оказывалось уже не просто глупостью, а самым настоящим неуважением по отношению к этому самому заинтересовавшемуся богу. А боги очень не любят, когда к ним проявляют неуважение. Впрочем, даже если это и простое совпадение, упустить его — глупость не меньшая...

Внезапно Мбонго наклонился и одним движением сгреб в охапку девушку вместе со всем принесенным ею шелком. Оказавшись на высоте мбонговского плеча, она было слабо пискнула, но огромный черный палец прижался к ее губам и писк более не повторился. Конан скривился завистливо — ему для этого в свое время всей ладони не хватило, а тут, гляди ты, одним, понимаешь, пальчиком...

Мбонго шевельнул пару раз каменными мускулами, пристраивая оторопевшую слегка, но совсем не испуганную девушку у себя на плече поудобнее, кивнул Конану и деловито зашагал в темноту. Конан рванулся следом. Он не понял, что именно задумал черный великан, но был готов рискнуть. Тем более, что выхода пока все равно не было — без провожатого или хотя бы лунного освещения он бы в этом саду не нашел и своей задницы, не то что северной стены...

Впрочем, пока что северная стена откладывалась. Та, к которой вывел их Мбонго, была восточной. Чем он руководствовался при выборе направления, Конан понял сразу, как только внимательнее пригляделся к оплетающим стену лианам — цветов на них было намного меньше. То ли почва в этом углу была похуже, то ли солнца поменьше — или, наоборот, жарило оно тут безжалостней. Или же просто камень в стене другой был, и не очень этот камень лианам по вкусу пришелся. Но, какова бы ни была причина, Конан на обозримом участке смог обнаружить не больше десятка крупных белых соцветий, да и то большинство из них еще не успели раскрыться, пребывая в сонном дневном состоянии свернувшегося бутона.

Мбонго ловко разделил свою ношу — девушку аккуратно поставил на землю, а шелковое полотнище легко и как-то очень изящно набросил на

стену поверх сторожевых лиан. Этакая вертикальная защитная дорожка, просто и гениально. Конан собирался даже восхищенно присвистнуть — так ловко, с первой же попытки это получилось у черного великана, да и задумка действительно недурна — шелковая лента шириной почти в метр, как раз хватит, а что тонкая — не беда, тут же не колючки опасны, а пыльце даже сквозь самый тонкий шелк не проникнуть! Но вовремя вспомнил о необходимости соблюдать тишину. Да и не был он уверен, что умеет это тело свистеть — кто их, магов, знает?..

Вместо этого он переглянулся с Мбонго — дабы убедиться, что правильно того понял. Подергал шелк и, уверившись, что держится он, вроде, крепко, полез наверх, цепляясь за переплетения одревесневших веток сквозь тонкую ткань. Вообще-то, делом это было нелегким — высота у стены метра три, шелк довольно скользкий, да к тому же еще и постоянные опасения по поводу того, что в самый неподходящий момент соскользнет он с особо вредного цветка — и рухнешь ты со всей дури с забора прямо в сонное царство. Но Мбонго, раз взявшись помочь, и далее не собирался стоять в стороне. Конан не успел сделать и трех перехватов руками, как на икрах его словно сомкнулись стальные галерные кандалы и непреодолимая сила просто таки метнула его к самому верху стены. Ему не пришлось даже подтягиваться — его туда считай что зашвырнули. Не вцепись Конан всеми конечностями в неровные камни, его бы, пожалуй, даже и на другую сторону перебросило.

Восстановив равновесие, Конан сел и уперся ногами в подходящие выступы для большей устойчивости. Если был он прав — устойчивость ему сейчас могла очень даже пригодиться.

Так и есть.

Шелест ткани, короткая возня, возмущенный писк, — писк, правда, негромкий, сообразно обстоятельствам, — и ему на руки буквально рухнула украденная жена. Теперь уже считай что дважды украденная. Конан обхватил ее поперек туловища руками и еще основательнее уперся ногами в выступы — жена активно сопротивлялась попытке повторной кражи.

— Пусти! — шипела он, голоса, правда, не повышая, но брыкаясь при этом отчаянно. — Пусти! Мне нельзя! Ты что, не понимаешь?! Его же убьют!

Какое-то время Конан молчал, тратя все силы на то, чтобы и самому удержаться на узком гребне стены, и ее там же удержать. Потом, когда девушка слегка притомилась и вырывалась уже не так активно, поды托жил:

— А так — убьют тебя.

Она обмякла как-то сразу и вся целиком. Похоже, не такой уж наивной она была и тоже кое-что понимала. Просто говорить об этом не хотела. Конан добавил, подумав:

— Мбонго, может, и не убьют. Он дорого стоит. Очень дорого. А вот тебя бы точно убили. В назидание прочим женам.

Девушка мотнула головой. Прошептала с непонятной горечью:

— Я тоже дорого стою! Очень дорого... Думаешь, стали бы меня иначе красть?!

Конан не нашелся, что на это ответить. И был благодарен, когда она, глубоко вздохнув, шепнула уже спокойно:

— Чего расселся? Давай, что ли, слезать, раз уж все так вышло...

Конан осторожно втянул наверх шелк, стараясь складывать его верхней безопасной стороной наружу — ткань ему должна была еще пригодиться, ночь предстояла длинная и хлопотная. Сначала — спрятать девушку. Это несложно — один вполне приличный воровской притон тут недалеко. Конана там теперь, конечно, не узнают, но сам он все нужные знаки и жесты помнил отлично. Примут и укроют, не в первый раз. Девушке там ничего грозить не будет — воровской кодекс чести и все такое. К тому же к целительницам и без всяких кодексов чести в таких местах относятся с уважением — мало ли какая хвороба с тобой приключится? Не со всеми же болячками можно к официальному лекарю бежать.

Конан прикинул еще раз, сворачивая шелк в длинный жгут и мастеря из этого жгута петлю.

Нет, на это не должно уйти слишком много времени. Он успеет вернуться сюда еще до восхода луны. Хорошо бы, конечно, вообще все дело провернуть по темноте, но это уж как получится. Жалко, что полнолуние было совсем недавно и луна еще слишком яркая, издалека будет видеть человека, зачем-то лезущего на стену, да еще и в обнимку с деревом...

Конан на мгновение задумался как он будет выкапывать пресловутое персиковое дерево. Пожалуй стоит озабочиться наличием крепкого ножа с широким лезвием, наподобие тех, что предпочитают кезанкийские горцы. Впрочем, нож в любом случае пригодится... У шадизарских воров можно раздобыть и не такое, было бы чем расплатиться. А благодаря щедрости купца, это было сделать нетрудно.

Он проверил петлю на прочность, аккуратно затянул ее под мышками у девушки и, видя, что она все еще медлит, стоя у самого внешнего края стены и никак не решаясь прыгнуть сама, легонько пощекотал ее под коленками. Она почти беззвучно взвизгнула и скакнула, как молодая

козочка. Конану чуть руки не выдрало из суставов, а в спине что-то явственно хрустнуло. Шипя сквозь зубы, он осторожно вытравливал шелковый жгут до тех пор, пока показавшаяся неимоверной тяжесть вдруг не исчезла. Жгут провис.

Конан скинул вниз свободный конец. Лег на край стены, свесился вниз ногами, осторожно сполз. Повисел на руках, размышая, что до земли не должно быть больше шага или пары локтей, а, стало быть, прыгать в абсолютную черноту совершенно безопасно.

Разжал пальцы.

До земли действительно было меньше шага. И босая нога его впечаталась во что-то теплое и мягкое...

* * *

Конан зажмурился до рези в глазах и глубоко вздохнул. Постоял так какое-то время. Открыл глаза.

Помогло.

Теперь он, хотя бы и смутно, но кое-что видел.

То теплое и мягкое, на что он наступил, было всего лишь ворохом шелка. Он его очень туго свернул, когда делал петлю, и теперь петля эта, постепенно раскручиваясь, змеей обвила ему ногу, потому и почудилось в первый момент нечто живое и двигающееся.

То, что по-настоящему было живым, лежало немного дальше от стены. И оно не двигалось...

Конан стремительно опустился рядом с лежащей на боку девушкой на колени, похлопал ее по щекам, попытался нашупать биение жилки. Нашупал. И понял, что все это время как-то забывал дышать.

Девушка просто спала. Похоже, коснулась в последний момент случайного цветка. Или оставшаяся на шелке пыльца при свертывании не вся оказалась на внутренней стороне. Второе, пожалуй, куда реальнее — у Конана и у самого потихоньку начинали слипаться глаза.

Конан тряхнул мутнеющей головой, отгоняя сонный морок. Визит в притон придется на некоторое время отложить. Есть дела поважнее...

* * *

Вода была почти холодной.

Конан вынырнул, отфыркиваясь. Вдохнул и снова опустил лицо в воду. Повертел головой, вымывая возможную пыльцу из волос. Он стоял коленями на дне деревянного желоба. Лежа, он вполне мог бы поместиться под проточной водой полностью — вот вам и еще одно преимущество не слишком крупного тела. Но полностью он пока не хотел, осторожно смывая пыль с рук, ног и спины, но старательно обходя при этом нарисованные белым полосочки на груди. Голову он оставлял напоследок, и вот теперь, стоя на карачках, осторожно отряхивал мокрые волосы. Хорошо, что водопровод в этом месте проведен по старинке — открытым способом, а то пришлось бы, пожалуй, отмыватьсь от сонной дури в какой-нибудь сточной канаве.

Сев на глиняный бортик, он занялся шелком. Тщательно расстелил его по дну желоба и прополоскал в довольно-таки сильном течении. Вытащил с трудом — мокрая ткань оказалась невероятно тяжелой. Хорошо, что отжималась она так же легко, как и впитывала воду, и уже минут через десять он обмотал ее вокруг талии в качестве еще немного влажноватого, но уже вполне нормально весящего пояса.

Крупные яркие звезды слегка дрожали, отражаясь в бегущей воде. Акведук расположен был на искусственной насыпи, и городок отсюда просматривался практически весь, до самого последнего окраинного своего домишкы. Прекрасный, наверное, вид — днем или на закате, да и в неверном лунном свете тоже, наверное, очень симпатично. Сейчас же город лежал внизу огромным темным пятном, лишь изредка разреженным светлыми плоскостями крыш.

Впрочем, вряд ли сюда так уж часто пускают простых горожан полюбоваться на красоты — акведук надежно охраняется и днем, и ночью. На этом участке охранников было шестеро — все очень крупные, парни из ближайшей деревни, сильные и здоровые, хотя и слегка обленившиеся на практически дармовых городских харчах.

Сейчас они все спали. Четверо — в караулке, вповалку вокруг стола, за которым до этого резались в кости. Двое — прямо на улице, они оказались более бдительными — или просто менее удачливыми в игре. Собранной на шелке пыльцы хватило на них на всех с лихвой...

Слева донесся слабый стон. Конан повернул голову.

Над краем акведука поднялась одна рука, вцепилась в бортик. Потом — другая. Конан ждал.

Девушка неловко села в воде, потрясла головой. Отжала волосы, закрутила их в узел на затылке. Поднялась на бортик, повернулась, опустив ноги на насыпь. Тонкая ткань шальвар и маленькой кофточки облепила ее тело, словно вторая кожа. Блестящая и полупрозрачная. Блестящая...

Конан перевел взгляд на город внизу. Город по-прежнему оставался темным. Но по восточному краю неба уже разливалось молочно-серебристое сияние и у предметов появились уже легкие тени — пока, правда, еще смутные и нечеткие.

Следовало торопиться.

— Нам пора.

Он поставил ее на ноги, игнорируя сумбурные возражения и стоны, и потащил за собой. Вниз по насыпи, мимо спящих охранников, по темной пуганице кривых улочек и запутанных тупичков. Времени уже практически не оставалось, и он предпочел отложить объяснения на самый последний момент. Девушка жаловалась и возражать перестала почти сразу, как только лежащих на земле охранников увидела. Молчала и дальнейшую дорогу — то ли сообразила, что с вопросами лучше подождать, то ли просто дыхания не хватало, поскольку двигался Конан быстро, компенсируя стремительностью неуверенность.

Местность он знал неплохо, но было это при свете дня и довольно давно. Поэтому то, что в конце концов он таки обнаружил знакомую полуразвалившуюся арку с проходом в несколько ступенек вниз и обшарпанной дверью в конце этой маленькой лестницы, было скорее везением, чем результатом точного расчета. Или чем-то большим, чем простое везение, если кто-то там, наверху, не потерял еще свою заинтересованность.

Прикинув время по неукротимо светлеющему небу, Конан выбрал из множества условных стуков нужный и постучал. Он был уверен, что за дверью дежурят. Ночь — время воров. Они отсыпаются днем, а ночью бодрствуют. Главное — не перепутать условный сигнал, эти сигналы были разными для разных дней недели и даже времени суток, и Конан был не совсем уверен, что вспомнил правильно. На всякий случай отодвинул девушку себе за спину, хотя и понимал ненадежность подобной защиты, если сигнал не сработает.

Сигнал сработал — дверь открылась, и в лицо ему ударили показавшийся ослепительным свет факела. Конан торопливо поднял перед лицом обе ладони, сложив пальцы в знак «прошу укрытия». Факел чуть

отодвинули.

Стоявший между парой громил бритоголовый старичок понимающе хмыкнул, но уходить в сторону, давая чужаку пройти, пока что-то не собирался. Правила за последние годы, похоже, несколько ужесточились, или просто новая конановская внешность доверия не внушала. Конан вздохнул. Вытолкнул вперед девушку. Громилы заинтересованно шевельнулись и Конан заторопился, грубо развернул ее к себе спиной и отдирая от ее кофточки узел с ее побрякушками — он привязал его туда еще под стеной, чтобы было легче тащить. Снова оттолкнул ее себе за спину и протянул узел старику.

Старик узел принял вполне благосклонно, взвесил на сухонькой ручке, пошамкал сухонькими губами и, наконец, благосклонно улыбнулся и кивнул, бросив:

— Асталис, проводи гостя.

Громилы расслабились. Один из них — тот, что держал факел, — приглашающее махнул рукой и отступил вглубь коридора. Старик отодвинулся в противоположную сторону, освобождая проход. Конан с девушкой пошли вслед за выделенным провожатым. За их спиной скрипнула закрывающаяся дверь и заскрежетали засовы — их было неожиданно много для такой непрятательной и обшарпанной на вид двери.

* * *

— Я должен вернуться во внутренний сад.

Она молчала. Комнатушка, которую им выделили, была очень маленькой и низкой, в ней можно было только сидеть на двух лежанках или стоять в узком проходе между ними — боком и пригибаясь. Они предпочли сидеть. Двери у комнаты не было, как и почти у всех комнат. Проходя по узкому коридору, они могли наблюдать жизнь идущую во множестве подобных каморок. Кто-то спал, кто-то ел или пил или готовился к выходу на дело. В комнате напротив занимались любовью — лениво и основательно. Им было некуда торопиться.

В отличие от Конана.

Вообще-то, Конан предпочел бы не сидеть, а очень быстро идти, возможно даже — бежать, по направлению к этому самому купеческому

саду. Он буквально физически ощущал, как утекает песком сквозь пальцы время короткой летней ночи. Если уж начал что-то делать — сделай это до конца и сделай хорошо. Он не привык бросать начатое дело на середине. Но иногда невозможно закончить два дела одновременно, и приходится выбирать, кому отдать временное предпочтение...

— Мне надо забрать там одну... вещь. Меня наняли, чтобы ее забрать. Бывший хозяин. Ее у него тоже украли. Как и тебя. Постараюсь вернуться до рассвета. Если же... не успею — не страшно. Я поговорил с местным заправилой, он поможет передать свиток твоему мужу. Мне пора.

Она смотрела на него, широко открыв глаза. Личико ее страдальчески кривилось. Ему показалось, что она по вечной женской привычке начнет возражать, жаловаться или задавать глупые и отнимающее время вопросы. Она действительно спросила, но вопрос ее был неожиданен.

— Больно? — спросила она, — Тебе снова больно, да?..

Вот те раз! А он-то полагал, что сумел сохранить невозмутимое выражение лица и ни разу не поморщиться. Боль действительно возвращалась, усиливаясь с каждой минутой, и это было совсем некстати. Впрочем, он привык игнорировать боль, так что вряд ли это неприятное обстоятельство так уж сильно отразится на его сегодняшней работоспособности.

Он попытался отмахнуться и встать, но девушки не дала, с неожиданной ловкостью и силой толкнув его обратно на лежанку.

— Подожди, я сейчас ее уберу! Это несложно, должна же я хоть что-то... не бояся, это недолго, ты все успеешь...

Она, закусив нижнюю губку, начала было торопливо расстегивать на груди свою короткую кофточку. Конан наблюдал за этими ее действиями, несколько оторопев. С одной стороны, он никогда не возражал, когда в его присутствии молодые красивые девушки снимали с себя не только кофточки, но сейчас было это несколько не ко времени. Да и сам Конан был, как бы это сказать, не совсем в подходящем для подобного состояния, даже забудь он об этом — нарастающая боль быстренько бы ему напомнила. Но с другой стороны — как-то непохоже, чтобы она решила вдруг напоследок покуряжиться...

Девушка расстегнула уже все пуговки, но вдруг опомнилась. Мило покраснела и попросила:

— Закрой глаза!

Конан послушно зажмурил глаза, продолжая наблюдать за происходящим сквозь опущенные ресницы. Не то, чтобы подозревал он эту девушку в каком-то изощренном коварстве — просто было любопытно.

Подозрительно поглядывая ему в лицо, девушка распахнула кофточку. Похоже, Конану вполне удалось сохранить внешнюю невозмутимость, и она, уверившись, что он не подглядывает, перестала медлить и сомневаться. Сосредоточенно нахмутившись, она обхватила двумя ладонями свою левую грудь, наклонилась к Конану так, что маленький темный сосок почти коснулся его кожи на груди, и надавила — сильно, обеими ладонями одновременно.

Только собрав в кулак все свое самообладание, Конану удалось не отшатнуться, когда тугая белая струйка ударила ему в грудь, и теплые капли потекли по коже, оставляя за собой белесые вертикальные полоски.

* * *

Минуты три девушка рисовала молоком на груди у Конана затейливый узор, попеременно используя то левую, то правую грудь в непонятной Конану последовательности и что-то приговаривая. Потом осмотрела творение рук своих — и не только... хм... рук — и, похоже, осталась довольна. Впрочем, Конан и без ее одобрения знал, что волшебство удалось — боль исчезла. Он даже не заметил, когда именно это произошло, настолько был поглощен ее манипуляциями, просто вдруг обнаружил, что опять ничего у него не болит — так, саднит только немного. Забавный способ колдовства. Интересно, а что будет с тем, кто этого молока глотнет? Вряд ли он просто не станет более болеть, тут наверняка много всего намешано, и молоко это не только боль устраниять сумеет в опытных... хм... руках.

Конан открыл глаза. Встал, неловко поклонившись. Она могла подумать, что это он просто из-за низкого потолка, и потому Конан добавил:

— Благодарю.

Еще раз поклонился. Вышел в коридор, пятясь.

Девушка успела застегнуться и теперь сидела, улыбаясь, явно довольная проделанной работой.

— И тебе спасибо, наемник! Персиковое Дерево будет просить о тебе всех богов, которых знает, хоть и не знает твоего имени. Но ведь имя для богов не важно, правда? Кто-нибудь из них тебе обязательно сегодня поможет, ведь они уже один раз помогли мне, откликнулись, значит — и

сегодня помогут!

Конан кивнул, еще раз поразившись про себя ее наивной вере. Сам-то он давно не ждал от богов ничего особо хорошего, вполне резонно предполагая, что помогают и вредят людям небожители не по доброте или злобе душевной, а исключительно для забавы, от скуки, так сказать. Что-то в ее последних словах его царапнуло, но он не любил думать сразу о многом. А сейчас следовало думать о предстоящем деле.

Он успел сделать по коридорчику с полдюжины шагов и дойти до входа в крупную камору, в углу которой что-то обсуждали с сухоньким старичком два господина вполне почтенной наружности и один скользкий юноша, и даже кивнуть тем из них, кто к нему обернулся, вполне успел.

Прежде, чем понял.

Обратно он вернулся в три прыжка.

— Что ты сказала?!!

Она испуганно шарахнулась к стенке, округлив рот в беззвучном крике. Конан зарычал — правда, мысленно. Потому что опомнился вовремя.

С детьми и испуганными женщинами так нельзя, нельзя на них рявкать, угрожающе нависая, от этого они только больше пугаются и замыкаются в себе. С ними лучше говорить негромко и спокойно, опустившись на их уровень. Цели, конечно, не хочешь ты их окончательно запугать, а хочешь добиться чего-то эффективно и быстро.

Конан заставил себя сесть — так его голова оказалась почти на уровне ее. Спросил, стараясь, чтобы голос звучал как можно миролюбивее и спокойнее:

— Ты обещала, что обо мне кто-то будет просить богов... А кто именно будет обо мне просить богов?..

Она слглотнула, понемногу успокаиваясь. Села прямее:

— Я... я уже начала, когда ты...

— Нет, — он покачал головой, — Ты назвала какое-то имя...

— Персиковое Дерево? Ну да... Меня так зовут... Красивое имя, правда? Ты не сказал своего имени и не спрашивал, как меня зовут, а мне так хотелось, чтобы ты знал...

— Подожди, — попросил Конан, окончательно шалея и еще не до конца убежденный, — Но, если ты — Персиковое Дерево, то где же твои персики?

Она замолчала и смущенно прижала обе ладошки к груди. Она очень мило краснела, когда смущалась...

М-да...

Вот так, значит.

Значит, вот...

А он еще, по простоте душевной, предлагал плоды эти оторвать — для облегчения, так сказать, доставки! — и притащить отдельно. От всего, стало быть, остального... Хорошо еще, что у молодого принца Джамаля хорошее чувство юмора. Говорил бы принц на нормальном языке — было бы понятно, что Персиковое Дерево это просто имя. И Эрлик побери этого мерзкого старикашку-толмача, со всеми его иносказаниями и недомолвками, принятыми в Туране!..

— Тогда нам обоим пора. Я отведу тебя... в другое место. Там тебе будет лучше.

— А как же твое дело? Ты же хотел вернуться в сад за какой-то вещью...

— По пути объясню. Только сначала... сумеешь одеться?

Он размотал с пояса и протянул ей шелковое полотнище. Не потому даже, что изначально нанявшим его Джамалем именно для обертывания... скажем так, — ствола Персикового Дерева эта самая тряпка и была предназначена. Просто — так было правильно. В конце концов, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами ему оно больше было не нужно, а ей теперь, что же, так и ходить по городу в своем легкомысленном наряде?..

* * *

— Как все это удивительно! — голосок Персикового Дерева был мечтательным. — Словно в старинных песнях.

С точки зрения Конана гораздо удивительнее было то, что за какие-то пятнадцать минут и при помощи всего-то пары веревочек и нескольких вопрошенных у обитателей притона бронзовых булавок она умудрилась смастерить из шелкового полотнища вполне пристойный наряд. Теперь они выглядели вполне приличной парой — идущая по какой-то своей надобности знатная госпожа и ее сопровождающий — то ли охранник, то ли тюремщик. Или — и то и другое сразу, как у них тут принято.

Ткани хватило даже на головную накидку, которой местным жительницам предписывалось закрывать лицо в присутствии посторонних мужчин или просто на улице.

Пока что дорога была пустынна, и она легкомысленно откинула этот кусок материи на плечо. Но скоро он вполне мог пригодиться — огромная луна потихоньку бледнела на розовеющем небе и уже кричали где-то первые петухи. Скоро, вторя им, зазвенят колокольчики утренних водоносов и город начнет просыпаться...

Впрочем, до нужного дома оставалось идти совсем чуть-чуть.

На этот раз он вышел к дому четко — прошло всего шесть дней, да и рассвет уже явственно вступал в свои права. Он довел ее до самых дверей. Остановился.

— Дальше пойдешь одна. Стучи. Мужу скажешь, что Конан-варвар за деньгами завтра придет.

И, видя, как округлились ее глаза и рот в уже готовом сорваться протесте, сам несколько раз грохнул по двери кулаком. И быстрым шагом пошел вдоль улицы, не оборачиваясь.

Он слышал за спиной неясные голоса, скрип открываемой двери, женские возгласы, оханья, чей-то торопливый топот, еще какую-то суэту. Но обернулся лишь, дойдя до угла.

Улица была пуста.

* * *

Практически не замеченный полусонной с утра пораньше стражей, Конан покинул город через западные ворота.

Он выбрал эти ворота не из каких-то принципиальных соображений. Просто снятый Джамалем скромный домишко находился на самой окраине Шадизара, в двух минутах ходьбы именно от западных ворот. Этим и только этим обстоятельством и был обусловлен конановский выбор. А то, что в какой-то паре полетов стрелы от этих ворот обнаружилась уютная рощица с небольшим родниковым ручейком в тенистой своей глубине, оказалось приятным дополнением. Вообще-то он собирался дойти до ближайшего постоянного двора с колодцем, и провести церемонию там, но рощица тоже вполне подходила.

Если быть откровенным, она подходила даже больше, поскольку не имела обыкновения совать нос в чужие дела, в отличие от хозяев постоянных дворов...

Конан напился — вода была ледяная, от нее сразу же заломило зубы.

Наломал небольшую кучку сухих веток — много ему сегодня не требовалось, не обед варить собирался. Достал из пояса огниво и развел крохотный костерок. Потом снял пояс и положил его на землю — с противоположной стороны. Костра. Зачерпывая воду ладонями, тщательно вымылся — целиком, аккуратно смывая с кожи дорожную пыль, а заодно и все следы волшебного молока. Хотел было отодрать присохшую к ране повязку, но не стал, решив, что с этим пусть лучше законный владелец разбирается. Размочил только как следует — все же звери мы.

Боль вернулась мгновенно, после смывания первой же липкой полоски — но он был готов и даже не поморщился, довершив умывание до конца. Разве что напряженная улыбочка стала немного более кривой, чем раньше.

Боль не могла ему помешать. Подумаешь, боль? Ерунда.

Он зачерпнул сложенной ковшиком левой ладонью немного воды, положил туда же щепотку земли, а правой рукой достал из костра горячую веточку. Сказал негромко:

— У перекрестка трех дорог призываю четыре стихии в свидетели: я выполнил условия.

После чего затушил веточку прямо в грязевой кашице на ладони и дунул на зашипевший уголек.

* * *

Порывом ветра взъерошило волосы, плеснула вода под корягой, крохотный костерок выстрелил в небо длинным языком пламени. Показалось даже, что земля под ягодицами слегка шевельнулась, подтверждая, что и она — услышала..

С другой стороны костра возник прямо из воздуха и неловко плюхнулся на землю человек. Взвыл — в падении он, кажется, не совсем удачно подвернул ногу. Вслушиваясь в витиеватые ругательства, Конан восхищенно прицокнул языком — что-что, а сквернословить за свои триста лет мажонок научился преизрядно.

— Что, не мог еще денек потерпеть? — спросил маг сварливо, прекратив, наконец, ругаться. Судя по несколько растрепанному виду и следам используемой жрицами Дэркето краски для губ на шее, у него и впрямь были причины для недовольства. Впрочем, он даже и не

подозревал, насколько веские причины для недовольства у него имеются на самом деле — иначе бы не прекратил ругаться так скоро.

— Ну, проиграл... бывает. Я что — возражаю? Я честно признаю! В чужом теле трудно колдовать, но я сегодня еще ночью почувствовал — проиграл. Но мы же на семь дней уговаривались! А семь дней кончаются только завтра! Что за варварская мелочность — даже напоследок не дать несчастному человеку как следует вкусить удовольствий...

Странно, но собственный голос показался Конану довольно противным. Этот трехсотлетний брюзга даже красивый и сочный низкий конановский тембр сумел превратить в надтреснуто дребезжащую мерзость. Внезапно лицо мага — такое знакомое лицо! — вытянулось.

— Что это? — спросил он севшим голосом.

Конан проследил направление его взгляда и обнаружил на влажной набедренной повязке проступающее розоватое пятно. Усмехнулся:

— А, это... Поздравляю. Теперь ты евнух.

Маг стал желтовато-серым. Похоже, именно так выглядит бледность, проступившая под бронзовым загаром. Зрелище было интересным рі ранее не виданным — самому Конану как-то бледнеть не доводилось. Маг судорожно облизал губы. Спросил с безумной надеждой:

— Ты нарушил условия?

Конан с усмешкой покачал головой. Развернул ладонь с облепленным грязью угольком так, чтобы магу было видно — стихии никогда не подтвердили бы его право, нарушь он условия сделки.

Но маг был явно в ступоре, смотрел ничего не понимающим взглядом, тряс головой. Пришлось повторить уже вслух:

— Я выполнил условия. И теперь хочу обратно свое тело. Меняемся?

И слегка повернул ладонь над костром, намереваясь стряхнуть туда уголек.

— Стой!!!

Маг буквально рухнул вперед, обхватив конановскую ладонь обеими своими — пока еще своими! — огромными ладонями и не давая угольку упасть.

— Подожди! Так нельзя!

Не отпуская руки, он быстро-быстро заелозил коленями и пополз вокруг костра — поближе к Конану, чтобы было удобнее заглядывать ему в лицо. Снизу вверх заглядывать, в униженном жесте поднося так и не отпущенную руку чуть ли не к губам — для этого магу пришлось согнуться в три погибели и до предела вывернуть шею.

— Я же не смогу колдовать! Понимаешь? Невозможно, если нарушена

физическая цельность тела, понимаешь?! Особенно — если так серьезно!

И, видя, что Конан не собирается проникаться всей серьезностью положения, сорвался на визг:

— Я же буду тебе совершенно бесполезен, и-и-и..!!!

Кажется, он в последнюю секунду удержался, чтобы не назвать Конана каким-то плохим словом. Конан пожал плечами.

— А ты мне и так не очень-то... пригодился.

— Ты не понимаешь! — забормотал маг, поглаживая конановский кулак, голос его был заискивающим и вкрадчивым, — ты не понимаешь... я же теперь твой раб, понимаешь? Я целую зиму буду делать все, что ты захочешь! Все-все-все! Я буду колдовать для тебя, понимаешь? Тебе не надо будет работать! У тебя всегда будет еда! Сколько захочешь! И вино! И женщины! Хочешь стать правителем? Любого города! Да хотя бы вот этого, как его...

— Да зачем сдался мне этот вонючий город?! — Конан вырвал свой кулак из цепких ручонок.

Маг согласился мгновенно, не споря:

— И не надо, и правильно — зачем тебе город? Я могу сделать тебя королем! Хочешь?

Он с надеждой взгляделся Конану в лицо, но, похоже, не разглядел там ничего утешительного, обреченно вздохнул, закивал мелко и униженно:

— Понимаю... ты, конечно, варвар, но не глупец... я предложил тебе очень мало... признаю. Хорошо! Десять зим?.. нет, пожалуй, десять зим тоже как-то... Хорошо. — Он еще раз вздохнул и решился: — Пятьдесят. Пятьдесят зим здоровой, богатой, интересной жизни. Мы заключим новую сделку. Я стану твоим рабом на пятьдесят зим. Даже для меня это — много, но альтернатива куда ужасней. Ты в своей варварской простоте даже понять не способен — насколько ужасней... я ведь стану совершенно беспомощным! Совершенно, понимаешь? Зачем тебе нужен беспомощный увечный раб? Тебе ведь просто нужно это тело, да? — он улыбнулся, жалко и заискивающе. — Нет проблем! Ты его получишь. Только... сначала найдем еще одного человека. Сделаем тройной обмен. Ты получишь свое тело назад, а я — этого, постороннего. Бедолага, правда, какое-то время помучается, но это ведь ненадолго! В чужом теле трудно колдовать, но все-таки можно, я быстро приведу свое тело в норму, если... если только не буду сам в нем находиться. И я буду полезен тебе. Целых пятьдесят зим! Это больше, чем ты вообще мог бы надеяться прожить, при твоей-то жизни, ты что, не понимаешь?!!

— Наверное. — Конан пожал плечами, вставая и отряхивая руки от

всякой налипшей дряни. — Я же варвар. Обмен.

— Н-е-е-е-т!!! — завизжал маг, тоже пытаясь вскочить, но оскальзываясь на влажной глинистой земле. — Пойми! Я могу быть полезен! Зачем тебе беспомощный раб??!

Голос его сорвался на вой, но слово уже было произнесено, а позаимствованные на время стихии — возвращены самим себе. И в следующий миг уже Конан сидел, нелепо раскорячившись, у костра, царапая по инерции ногтями глинистую почву. Он тряхнул головой, прислушиваясь к себе с некоторой тревогой — мало ли чего мог за шесть дней учинить не слишком-то заботящийся о сохранности временного обиталища постоялец? Но никаких особых несообразностей не заметил. Правда, очень хотелось есть. Но есть ему всегда хотелось, это просто за почти недельное пребывание в чужом теле он слегка отвык от постоянности этого желания, вот и отметил с непривычки.

А еще очень хотелось заткнуть чем-нибудь мага.

Потому что маг выл.

Монотонно, надсадно, с надрывом и всхлипами на вдохах.

Он рухнул на землю сразу же после обмена, начав выть еще в падении, и теперь катался по ней, скорчившись и прижимая обе руки к промежности. И — выл...

Конану стало противно. Ему всегда были отвратительны мужчины, настолько не умеющие переносить боль. Пусть даже и довольно сильную, но ведь не смертельную же, в конце-то концов? Если ты мужчина — стисни зубы и делай то, что должен делать мужчина, а выть и кататься по земле — не мужское это занятие.

— Заткнись, — бросил он вяло. В ушах уже свербило.

Маг замолчал — мгновенно, словно ему перерезали голосовые связки. Только крутиться и корчиться стал в два раза активнее, словно червяк на раскаленном камне — похоже, без воплей терпеть ему было совсем уж невыносимо. Но Конану почему-то не было его жалко.

Ну вот ни капельки!

Наклонившись, он поднял заранее положенный у костра пояс. Отряхнул его от налипших травинок, спрятал в потаенный кармашек огниво. Застегнул на талии — поверх нацепленного магом шитого золотом безобразия с пряжкой, украшенной чуть ли не дюжиной крупных драгоценных камней. Ничего, до первого перекупщика... в привешенном к этому золотому недоразумению кошеле тоже что-то позывкало весьма увесисто, и это настроило Конана на философский лад.

— Ты так и не понял, — сказал он примирительно, глядя сверху вниз

на беззвучно хватающего воздух ртом мага. — Мне вообще не нужны рабы. Вообще, понимаешь?

И зашагал по дороге к западным городским воротам.

Конечно, обещался он быть у принца Джамаля только завтра. И, на первый взгляд, как-то даже невежливо прерывать долгожданную встречу двух исстрадавшихся в разлуке сердец и прочих частей тела, да и хороший он, вроде бы человек, не склонный нарушать данное слово... но...

Принц Джамаль был нанимателем.

А за долгое время своего общения с разнообразными нанимателями Конан на собственном горьком опыте убедился, что большинство из них почему-то обладают очень короткой памятью. Сегодня он тебе благодарен нескованно и счастлив, а завтра — кто его знает? Зачем лишний раз вводить людей в искушение?

Следовало поторопиться, пока благодарственные чувства наследника Джамаля еще горячи, а в светлую голову его не пришла мудрая мысль о целесообразности поспешного отъезда на родину. А то ищи его потом, во дворец пробирайся, от стражников отмахивайся.

Конан ускорил шаг...